

Софи
Ирвин

Советы
юным леди

по счастливому
замужеству

Роман

Блестящий, ошеломляющий дебют...
Потрясающе веселая книга!

Sunday Times

Азбука-бестселлер

Софи Ирвин

**Советы юным леди по
счастливому замужеству**

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Ирвин С.

Советы юным леди по счастливому замужеству / С. Ирвин —
«Азбука-Аттикус», 2022 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-22148-2

Англия, начало девятнадцатого века. Двадцатилетней Китти Тэлбот, на попечении которой находятся четыре младшие сестры, нужно за короткий срок найти огромную сумму, чтобы выплатить кредиторам родительские долги. Иначе можно остаться без крыши над головой. И пусть эта крыша протекает, а комнаты обставлены довольно скудно, — чтобы сохранить дом, в котором прошло детство, все средства хороши! Китти решается на отчаянный шаг — добиться предложения руки и сердца от какого-нибудь состоятельного джентльмена из высшего общества. Ведь кто не играет, тот не выигрывает, а риск — всего лишь часть игры. Чего не ожидает Китти, так это встречи с одним очень проницательным господином — лордом Рэдклиффом, старшим братом восхитительно богатого Арчибальда де Лейси. Лорд, безошибочно угадавший в Китти охотницу за деньгами, полон решимости разрушить ее планы любой ценой... Английские традиции, английские манеры, английский юмор от «современной Джейн Остин»! Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22148-2

© Ирвин С., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

1	7
2	12
3	16
4	21
5	25
6	30
7	33
8	37
9	40
10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Софи Ирвин

Советы юным леди по счастливому замужеству

*Посвящается Фран, при чьей поддержке я начала, и моей семье,
при чьей поддержке я продолжаю*

*Несмотря на то что она была невысокого мнения о браке
и о мужчинах вообще, замужество всегда было ее целью. Только
оно создавало для небогатой образованной женщины достойное
общественное положение, в котором, если ей не суждено было найти свое
счастье, она хотя бы находила защиту от нужды.*

*Джейн Остин. Гордость и предубеждение
(Перевод И. Маршака)*

Sophie Irwin
A LADY'S GUIDE TO FORTUNE-HUNTING
Copyright © 2022 Irwin Editorial Limited
This edition published by arrangement
with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Эвелины Несимовой

© Э. А. Несимова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

1

Коттедж Нетли, Биддингтон, графство Дорсетшир, 1818

– Вы не намерены жениться? – не веря своим ушам, переспросила мисс Тэлбот.

– Боюсь, что так, – подтвердил мистер Чарльз Линфилд, сооротив ободряющую и в то же время смущенную мину. С таким выражением лица признаются, что вынуждены уйти с дня рождения друга, а не расторгают заключенную два года назад помолвку.

Китти устремила на него недоуменный взгляд. А недоумевать Кэтрин Тэлбот – Китти для родственников и ближайших друзей – не привыкла. Напротив, в семье и среди жителей Биддингтона она славилась быстрым умом и практичностью, талантом выбираться из затруднительных обстоятельств. Однако сейчас Китти растерялась. Она выйдет замуж за Чарльза – уже несколько лет такое будущее представлялось ей неизбежным. И вдруг свадьбе не бывать? Что можно сказать, что можно почувствовать под бременем подобных новостей? Все изменилось. И только Чарльз выглядел как обычно в своей повседневной одежде – Китти видела ее тысячи раз. С нарочитой небрежностью, какую может себе позволить только богатый джентльмен, он носил затейливо вышитый, небрежно застегнутый жилет, безвкусно яркий шейный платок, скорее перекрученный, нежели повязанный.

«Мог бы, по крайней мере, – подумала Китти, с нарастающим негодованием глядя на этот отвратительный платок, – принарядиться ради такого случая».

Толика ее гнева, очевидно, отразилась на лице, поскольку Чарльз мгновенно сменил мину с возмутительной покровительственно-виноватой на по-детски обиженную.

– Ах, не смотрите на меня так! – воскликнул он раздраженно. – Если на то пошло, официально мы ничего друг другу не обещали.

– Не обещали официально?..

К Китти не только вернулось присутствие духа – ее охватила ярость. Никчемный обманщик!

– ...Да последние два года мы только и говорили, что о свадьбе! Отложили ее лишь из-за смерти моей матери и болезни отца. Вы обещали – мне! Вы так много мне всего обещали.

– Просто детская болтовня, – возразил он и добавил с ослиным упрямством: – Кроме того, не мог же я все отменить в тот момент, когда ваш отец стоял на пороге смерти. Это не дело.

– Полагаю, теперь, когда его не стало – и месяца не прошло, как он в могиле, – вы наконец можете порвать со мной? – спросила она гневно. – Теперь совсем другое «дело»?

Собеседник пробежался рукой по волосам и бросил взгляд на дверь.

– Пожалуй, нет смысла разговаривать, пока вы в таком состоянии. – Он напустил на себя вид человека, подвергшегося жестокому обращению и истощившего остатки терпения. – Мне лучше уйти.

– Уйти? Нельзя мимоходом выложить такие новости и не объясниться. Мы виделись на прошлой неделе и планировали свадьбу на май – почти через три месяца.

– Лучше бы я отправил письмо, – пробормотал он, словно разговаривая сам с собой, и снова тоскливо взглянул на дверь. – Мэри сказала, что этот способ самый верный, но, думаю, с письмом было бы проще. Я не могу собраться с мыслями, когда вы так визжите.

Погасив нарастающее раздражение, Китти, ведомая чутьем истинной охотницы, ухватилась за действительно важные сведения.

– Мэри? – резко переспросила она. – Мэри Спенсер? И какое отношение к происходящему имеет мисс Спенсер? Я и не догадывалась, что она вернулась в Биддингтон.

– Ах, да-да... скажем так... она... то есть... – промямлил, запинаясь, мистер Линфилд; на его лбу проступил пот. – Матушка пригласила ее какое-то время пожить у нас. Моим сестрам очень полезно поддерживать знакомства с другими дамами.

– И вы обсуждали с мисс Спенсер расторжение нашей помолвки?

– О да, и она проявила такое понимание, такое участие к... к нам обоим. Должен сказать, я был признателен ей за возможность... с кем-то об этом поговорить.

Помолчав, Китти спросила словно невзначай:

– Мистер Линфилд, вы намерены сделать предложение мисс Спенсер?

– Нет! То есть, как сказать... мы уже... И я подумал, что лучше прийти к вам...

– Понимаю, – откликнулась Китти и действительно все поняла. – Право, мистер Линфилд, не могу не отдать должное вашей самоуверенности. Требуется недюжинное проворство, чтобы сделать предложение одной женщине, будучи обрученным с другой. Браво!

– Вот всегда вы так! – пожаловался мистер Линфилд, наконец-то набравшись храбрости. – Все переворачиваете с ног на голову, так что невозможно понять, где верх, а где низ. А вам не приходило на ум, что я хотел пощадить ваши чувства? Но вы сами вынуждаете меня сказать правду. Если я собираюсь чего-то добиться на политическом поприще, вряд ли мне это удастся с такой женой, как вы.

Китти поразил его язвительный тон.

– И как прикажете это понимать? – требовательно спросила она.

Он раскинул руки, словно приглашая ее оглядеться по сторонам. Китти приглашению не последовала. Она прекрасно знала, что именно увидит, поскольку входила в эту комнату каждый день: потрепанные кресла, теснящиеся перед камином, где теплее, некогда элегантный ковер у очага, ныне изъеденный молью и потертый, пустые полки, на которых прежде стояли книги.

– Может, мы и живем в одном городе, но мы из разных миров! – Он снова повел рукой. – Я сын сквайра! Матушка и мисс Спенсер помогли мне понять, что, если я намерен сделать себе имя, мезальянс для меня недопустим.

Никогда прежде Китти не ощущала с такой остротой биение собственного сердца, стучащего, как барабан, в ее ушах. Женитьба на ней – мезальянс?

– Мистер Линфилд, – промолвила она мягко, но не без яда в голосе, – пусть между нами больше не прозвучит ни слова лжи. Вы не высказывали никаких возражений против нашей помолвки, пока не встретились вновь с очаровательной мисс Спенсер. Сын сквайра, заявляете вы! Не ожидала я от вашей семьи потворства неджентльменским поступкам. Пожалуй, мне следует порадоваться, что вы показали во всей красе бесчестность своей натуры прежде, чем стало слишком поздно.

Она наносила каждый удар с точностью и силой Джентльмена Джексона¹, и Чарльз – для нее теперь навсегда мистер Линфилд, – пошатнувшись, попятился в ужасе.

– Как вы могли сказать такое? Неджентльменский поступок! Вы не в себе! – воскликнул он, неловко заламывая руки; пот уже ручьями тек по его лицу. – Я хочу, чтобы мы остались добрыми друзьями. Вы должны понять, Кит...

– Для вас – мисс Тэлбот, – отрезала Китти с ледяной вежливостью. Ярость так и колокотала в ней, но, сдержавшись, она не стала повышать голос и отрывистым жестом указала на дверь. – Извините, но я прошу вас удалиться, мистер Линфилд.

Он быстро кивнул на прощание и с готовностью, не оглядываясь, спасся бегством.

Китти мгновение стояла недвижно, сдерживая дыхание, словно пыталась остановить дальнейшее разрастание обрушившегося на нее несчастья. Она подошла к окну, сквозь которое лился свет утреннего солнца, и, прислонившись лбом к стеклу, медленно выдохнула. Из

¹ Джон (Джентльмен) Джексон (1769–1845) – знаменитый кулачный боец, чемпион Англии в 1795 году.

окна открывался вид на сад: расцветающие нарциссы, заросшие сорняками овощные грядки, куры, занятые поиском личинок. Жизнь снаружи продолжала свое привычное течение, но по эту сторону стекла была бесповоротно разрушена.

Они остались одни, совершенно одни. Им не на кого опереться, с тех пор как умерли мама и папа. Сейчас, в эту мучительную минуту, Китти больше чем когда бы то ни было нуждалась в их совете – и была лишена поддержки. Ей не к кому обратиться. Смятение нарастало. Что же теперь делать?!

Китти могла бы простоять так не один час, если бы ее размышления не прервала самая младшая сестра – десятилетняя Джейн.

Вторгшись в гостиную с апломбом королевского посланца, она требовательно спросила:

– Ты знаешь, где книга Сесили?

– Вчера лежала на кухне, – ответила Китти, не отводя глаз от сада.

Сегодня они должны были очистить от сорняков грядку под артишоки, которые нужно посадить в ближайшее время.

Будто бы издалека она услышала, как Джейн передает Сесили ее слова, а затем докладывает:

– Там она уже смотрела.

– Пусть посмотрит еще раз, – сказала Китти, отсылая сестру нетерпеливым жестом.

Дверь с грохотом открылась и закрылась.

– Сесили говорит, что книги там нет и, если ты ее продала, она очень огорчится, потому что это подарок викария.

– Ради всего святого! – не выдержала Китти. – Передай Сесили, что я не могу заняться поисками ее никчемной книги, потому что моя помолвка расторгнута и мне необходима передышка хотя бы на несколько минут, если моя просьба не слишком вас затруднит!

Как только Джейн сообщила Сесили эту необычайную новость, все домочадцы – четыре сестры Китти и собака Брэмбл – нагрянули в гостиную, моментально заполнив пространство шумом голосов.

– Китти, мистер Линфилд порвал с тобой? Это правда?

– Он никогда мне не нравился, гладил меня по голове, как маленькую.

– Моей книги на кухне нет.

Китти, все еще прижимаясь лбом к стеклу, вкратце рассказала о случившемся. Сестры замолкли, неуверенно переглядываясь. Через несколько мгновений заскучившая Джейн добрела до скрипучего фортепиано и взорвала тишину, забарабанив по клавишам бравурную мелодию. У Джейн никогда не было учителя музыки, но недостаток таланта она с лихвой возмещала пылом и громкостью.

– Это неслыханно! – наконец возмущенно произнесла Беатрис, в свои девятнадцать лет самая близкая к Китти по возрасту и нраву. – Мне очень жаль, моя дорогая. Должно быть, твое сердце разбито.

– Разбитое сердце? – резко обернулась Китти. – Суть несчастья вовсе не в нем, Беатрис. Отмена свадьбы с мистером Линфилдом означает, что мы погибли. Папа и мама оставили нам не только этот дом, но и умопомрачительные долги. Я рассчитывала на то, что нас спасет богатство Линфилдов.

– Ты собиралась выйти замуж за мистера Линфилда ради его состояния? – спросила Сесили с нотками осуждения в голосе.

Самая образованная в семье, восемнадцатилетняя Сесили обладала, по мнению сестер, чрезмерно развитым нравственным чувством.

– Очевидно, не ради его порядочности и чести джентльмена, – с горечью откликнулась Китти. – Я лишь жалею, что мне не хватило здравого смысла обстряпать свадьбу поскорее.

Не следовало ее откладывать, когда умерла мама. Я знала, что продление помолвки чревато неприятностями. Подумать только, папа счел, что такой поступок назовут неподобающим!

– Насколько плохи наши дела? – спросила Беатрис.

Китти несколько мгновений молча смотрела на сестру. Как она им расскажет? Как объяснит, что именно может скоро произойти?

– Внушают... серьезные опасения, – произнесла она, тщательно подбирая слова. – Папа перезаложил дом неким господам с весьма сомнительной репутацией. Средства, полученные от продажи книг, столового серебра и части маминых драгоценностей, позволят некоторое время держать этих людей на почтительном расстоянии, но в начале июня они вернутся. Осталось четыре месяца. Если к этому времени мы не раздобудем денег или не представим доказательства, что в состоянии заплатить, то...

– Нам придется уехать? Но это же наш дом, – всхлипнула Гарриет, и у нее задрожали губы.

Предпоследняя по возрасту, она обладала более чувствительной натурой, чем Джейн. А та хотя бы перестала играть и притихла на табурете, наблюдая.

Китти не нашла в себе сил огорчить сестер, объяснить, что их положение значительное тяжелее и одним лишь переездом его не поправить. Средства, вырученные от продажи коттеджа Нетли, едва покроют долги, а на жизнь ничего не останется. Пойти им некуда, и Китти не имела ни малейшего представления, где достать деньги. Будущее виделось ей в мрачном свете. Разумеется, они будут вынуждены расстаться, иного выбора нет. Китти и Беатрис могут поступить на службу в Солсбери или в одном из ближайших городов побольше – горничными или, если очень повезет, камеристками. Сесили... трудно представить, что Сесили когда-либо проявит желание или способность трудиться, но с ее образованием она может попробовать найти работу в школе. Туда же придется отправить Гарриет – ах, Гарриет еще так мала! Найти для нее школу, предлагающую полный пансион. И Джейн... Миссис Палмер, несмотря на исключительную злобность нрава, всегда испытывала к Джейн нечто сродни привязанности. Возможно, удастся ее уговорить, и она приютит малышку, пока та не вырастет настолько, чтобы тоже подыскать работу.

Китти представила, как ветер разносит сестер в разные стороны. Смогут ли они когда-нибудь соединиться снова? Что, если их ждет еще более безрадостное будущее? Перед ее внутренним взором промелькнули видения каждой из сестер, оставшейся в одиночестве, отчаявшейся, голодной. Китти не пролила ни слезинки по мистеру Линфилду – он не стоил ее сожалений, – но теперь слезы подступили к глазам. Девочки и без того многое потеряли. Именно Китти пришлось объяснять им, что мама уже не поправится. Именно Китти принесла им новость о кончине папы. И как она теперь скажет, что худшее еще впереди? Слова покинули ее. Китти не обладала ни маминой способностью как по волшебству ткать из воздуха утешительные речи, ни папиной уверенностью – уж он-то умел убедить кого угодно в благополучном исходе, так что собеседникам оставалось только с ним согласиться. Нет, в их семье Китти отводилась роль того, кто находит выход из затруднительных положений. Но нынешнее препятствие представлялось слишком грандиозным, его не преодолеть лишь волевым усилием. Ей мучительно хотелось, чтобы рядом оказался кто-то, готовый разделить с ней эту ношу, слишком тяжкую для барышни в нежные двадцать лет, но такого человека не было.

Сестры смотрели на нее, даже теперь уверенные, что она найдет способ все исправить – как находила всегда.

И она найдет этот способ!

Момент отчаяния миновал. Она не сдастся так легко, не может себе позволить.

Китти проглотила слезы и расправила плечи.

– До первого июня у нас есть чуть больше четырех месяцев, – подытожила она твердо, отходя от окна. – Полагаю, этого вполне достаточно, чтобы совершить нечто выдающееся. Даже

в таком городке, как Биддингтон, мне удалось заманить в свои сети богатого жениха. И пусть негодяй ускользнул, не вижу повода думать, что этот опыт невозможно повторить.

– Вряд ли поблизости живут другие богачи, – заметила Беатрис.

– Совершенно верно! – неестественно бодро откликнулась Китти. – Именно поэтому я должна переместиться на более благодатные пастбища. Беатрис, остаешься за старшую. Я отправляюсь в Лондон.

2

Нет ничего необычного во встречах с людьми, привыкшими давать экстравагантные обещания. Намного реже встречаются люди, привыкшие такие обещания выполнять. К этим последним и принадлежала мисс Китти Тэлбот.

После унылого утра в гостинной коттеджа Нетли не прошло и трех недель, а Китти и Сесили уже ехали по направлению к Лондону в подпрыгивающем на ухабах дилижансе. Путешествие в тряской повозке, в обществе других пассажиров и домашней живности выдалось нелегким. Вскоре сельские пейзажи Дорсетшира исчезли из виду. Пересекая одно графство за другим, Китти почти неотрывно смотрела в окно – никогда прежде она не уезжала от дома так далеко, все ее поездки ограничивались одним днем.

Китти давно знала, что ей необходимо выйти замуж за богача, но рассчитывала, что этой цели удастся достичь, не покидая Биддингтона и родных. Выгодная партия с Линфилдом была частью плана, задуманного и почти исполненного ею при поддержке матери. За месяцы, прошедшие после маминой смерти, Китти не раз поздравляла себя с тем, что успела так ловко обустроить свое будущее, заполучив мистера Линфилда, живущего поблизости. В самые тяжелые времена возможность ни на мгновение не расставаться с семьей – воистину неоценимый дар. Тем не менее теперь Китти пришлось уехать. По мере удаления дилижанса от Биддингтона тревога, поселившаяся в ее груди, разрасталась с каждой следующей милей. Китти приняла верное решение, единственно возможное для семьи, но разлука с сестрами давалась ей очень тяжело.

Какой же глупышкой она себя выставила, доверившись благородству мистера Линфилда! И вместе с тем было непонятно, почему он так стремительно ее разлюбил. Да, мисс Спенсер – девица хорошенькая, но пресная, как рыба. Столь быстрая смена привязанности со стороны жениха была лишена всякого смысла. К тому же Китти предполагала, что остальные Линфилды не пылают чрезмерной любовью к мисс Спенсер. Что-то здесь не так, но что именно?

– Какая дура! – произнесла она на сей раз вслух и добавила, когда сидевшая рядом Сесили бросила на нее оскорбленный взгляд: – Я о себе. Вернее, это мистер Линфилд – дурак.

Фыркнув, Сесили вернулась к чтению. Когда тяжелый фолиант, дар викария, нашелся, она настояла на том, чтобы взять книгу с собой, невзирая на возражения Китти, считавшей, что столь увесистый предмет не лучший попутчик в дальней поездке.

– Ко всем моим несчастьям ты хочешь добавить еще одно?! – театрально спросила Сесили, когда они укладывали вещи.

В тот момент взмыленной Китти, склонившейся над громоздким саквояжем сестрицы, самым честным представлялся ответ: «Да!» – но она капитулировала и согласилась везти несуразный багаж в Лондон. Китти проклинала нелепое и дорогостоящее решение отца дать Сесили образование, отправив ее на два года в Бат, в частный пансион для юных леди. Решение, целиком и полностью продиктованное стремлением не отставать от местного дворянства, в особенности от Линфилдов. Однако единственное, что Сесили приобрела в этом заведении, так это неистребимое чувство собственного интеллектуального превосходства. И все же теперь, словно забыв, как страстно защищала книгу, Сесили почти не уделяла ей внимания, забрасывая сестру теми же вопросами, над которыми Китти и сама ломала голову всю поездку.

– Ты уверена, что правильно поняла письмо тети Дороти? – спросила она шепотом, наконец-то вняв неоднократным просьбам Китти не делиться с остальными пассажирами сведениями о затруднениях, с которыми столкнулись барышни Тэлбот.

– А как еще его можно было понять? – прошипела в ответ Китти не без легкого раздражения.

Она вздохнула, попыталась успокоиться и объяснила снова, вполне убедительно изобразив терпение:

– Тетя Дороти знала маму с тех времен, когда они вместе работали в театре «Лицеум». Они были очень близки, мама читала нам вслух их переписку, помнишь? Я попросила ее о помощи, и тетя Дороти предложила ввести нас в лондонское общество.

Хмыкнув, Сесили спросила:

– А ты можешь быть уверена, что тетя Дороти – почтенная женщина, добрая христианка? Ты так плохо осведомлена, что рискуешь привести нас напрямик в логово греха!

– Должна сказать, долгие часы, проведенные в обществе викария, не принесли тебе никакой пользы, – сурово отрезала Китти.

Впрочем, она сама испытывала некоторые опасения относительно тети Дороти, хотя мама всегда утверждала, что ее подруга – респектабельная женщина. Но признаваться Сесили в своих сомнениях не стоило, поскольку обращение к тете Дороти было их единственной возможностью.

– Мы не знаем в Лондоне никого, – сказала Китти, – кроме тети Дороти. Все папины родственники переехали на континент, и в любом случае они не стали бы нам помогать. А она к тому же оказалась так добра, что оплатила нашу поездку. Мы не можем свысока отвергать ее помощь.

Кажется, убедить сестрицу не удалось, и Китти со вздохом откинулась на спинку сиденья. И она сама, и Сесили предпочли бы, чтобы в это путешествие вместо последней отправилась Беатрис, но в конце письма тетя Дороти добавила ясное указание: «Привези самую хорошенькую из сестер». И поскольку Беатрис, по ее собственному признанию, представляла собой наполовину девицу, наполовину лоб, а Сесили обладала очаровательной внешностью, противоречащей ее сумрачному нраву, то иного выбора не оставалось. Правда, в ее обществе можно было умереть со скуки, но Китти надеялась, что это окажется не столь важным. Она успокаивала себя мыслью, что Беатрис гораздо лучше Сесили справится с домом и младшими девочками под бдительным присмотром жены викария. Поставь на это место Сеси – и по возвращении спасать будет уже нечего и некого.

– Я по-прежнему считаю, что следовало бы направить усилия на поиски честной, хорошо оплачиваемой службы, – заявила Сесили. – С моим образованием из меня вышла бы прекрасная гувернантка.

В наступившем молчании Китти с ужасом представила себе, что случится, если возложить на Сесили бремя семейного благополучия.

– Как бы там ни было, – тихо и осторожно произнесла она, – гувернантка получает тридцать пять фунтов в год. Боюсь, этого недостаточно. Быстрее всего выбраться из наших затруднений можно только в том случае, если я найду богатого мужа.

Сесили открыла было рот, чтобы изречь еще одно осуждающее и совершенно бесполезное замечание, – однако ее перебил мальчик на переднем сиденье, громко сообщивший своей матери: «Мама, мы приехали!»

И действительно, выглянув в окна, путешественники увидели на горизонте величественный город, а над ним – столбы дыма, вздымающиеся к небесам в беззвучном призыве. Родители часто рассказывали дочерям о Лондоне – с печалью, словно о прекрасном, но утраченном друге. Они описывали, как он высок и просторен, как красив и величественен, вспоминали его сутолоку и безграничные возможности. «Король городов» называли они его. Китти давно хотелось самой увидеть эту чужую землю, которая, вероятно, была первой любовью – и истинным домом – мамы и папы. Но когда повозка покатила по мостовым, первое, что отметила Китти, была... грязь. Слой сажи на всем, клубящийся над трубами дым, лошадиный навоз под ногами. Грязь и... и хаотичность – улицы, грубо сталкиваясь друг с другом, зигзагами разбегались в разных направлениях. Здания топорщились, покосившись под причудливыми углами,

даже не всегда правильной квадратной или прямоугольной формы, словно нарисованные детской рукой. Здесь и правда господствовала суэта, и какая же громогласная суэта! Непрестанный стук копыт и колес по камням мостовых, крики уличных торговцев, ощущение, что все вокруг куда-то спешат-спешат-спешат. Шумный, неряшливый, требующий к себе внимания и уважения город выглядел...

– Великолепно, – выдохнула Китти. – Сесили, мы наконец-то добрались.

На Пикадилли сестры пересели из дилижанса в наемный экипаж, который отвез их к дому тети Дороти на Уимпол-стрит. Китти пока не знала, какие районы Лондона принято считать фешенебельными, а какие нет, но улица, на которой проживала их будущая покровительница, радовала глаз. По дороге они видели и более роскошные здания, но и Уимпол-стрит выглядела весьма пристойно, краснеть за это место Китти не пришлось бы.

Кэб остановился перед узким городским домом, втиснутым между двумя другими. После того как Китти рассталась с одной из своих драгоценных монеток, сестры поднялись по высоким ступенькам и постучали. Двери открыла рыжеволосая горничная (то обстоятельство, что у тети Дороти есть слуги, тоже внушало надежды). Она провела посетительниц в маленькую гостиную, где восседала достойная хозяйка дома.

Несмотря на то что во время поездки Китти беззаботно отмахнулась от сомнений Сесили, в глубине души ее терзали опасения: а если их встретит корпулентная, вульгарно хохочущая распутница в комичном парике? Такая покровительница совсем не годилась для их целей. Китти испытала облегчение, увидев элегантную представительную даму, чью прекрасную фигуру ладно облегало голубовато-серое утреннее платье. Каштановые кудри не покрывал головной убор, но непринужденный стиль был ей к лицу – в глазах поблескивало лукавство, несовместимое с чинным капором или вдовьим чепцом.

Тетя Дороти поднялась со стула, изучая новых знакомых взглядом из-под выразительных темных бровей. Китти и Сесили задержали дыхание, испытывая несвойственную обеим нервозность.

Но хозяйка улыбнулась и вытянула вперед унизанные драгоценностями руки:

– Дорогие мои, вы так похожи на свою мать.

Гости упали в ее объятия.

Тетя Дороти вместила множество жизней и ролей в пятьдесят один год пребывания на этом свете. В бытность свою актрисой она достигла блистательного успеха на сцене, тогда как за ее пределами развлекала избранных, наиболее щедрых лондонских джентльменов. Благодаря этим занятиям она накопила далеко не маленькую сумму, а когда ей исполнился сорок один год, перекрасила огненно-рыжие волосы в каштановые и прошла второе крещение: сменив как имя, так и привычки, превратилась в состоятельную вдову миссис Кендалл. В качестве миссис Кендалл она приобщила к новому для себя образу жизни на задворках высшего света, посещая днем те дома, в которых прежде (будучи молодой девушкой) проводила лишь вечера. И хотя Китти опасалась, что легендарное прошлое тети Дороти окажется скорее помехой, нежели подспорьем, – в сущности, актрису едва ли можно счесть респектабельной леди, – манеры их покровительницы отчетливо показывали, что ее превращение в знатную даму осуществилось безупречно. Познакомившись с ней, Китти успокоилась, уверовала в то, что тетя Дороти способна направить следующие их шаги в лондонском свете и поделиться мудростью с новоявленной охотницей за богатством. Ей не терпелось задать тетушке тысячи вопросов, однако первые несколько часов, проведенных вместе, они говорили только о матери девушек.

– Как мне хотелось приехать на похороны! – с жаром сказала миссис Кендалл. – Знайте, я бы приехала, но ваш отец решил... что это был бы не слишком мудрый поступок.

Китти как нельзя лучше поняла это расплывчатое объяснение. В иных, более благоприятных обстоятельствах встреча с маминной подругой очень много значила бы для девочек Тэл-

бот – тетя Дороти могла бы поделиться с ними рассказами о прежней жизни даже после маминго ухода. Но мистер Тэлбот защищал интересы семьи, отдаляя женщину, чье присутствие вызвало бы вопросы... а некоторые темы предпочтительно оставлять в прошлом.

– В тот день стояла прекрасная погода, – откликнулась Китти, прочистив горло. – Свежо и прохладно. Маме бы это понравилось.

– Ее невозможно было удержать в четырех стенах, если на улице светило солнце, – сказала тетя Дороти с грустной, искренней улыбкой. – Независимо от времени года.

– Я прочла отрывок, – подала голос Сесили, – из поэмы Чосера «Книга герцогини», маминей любимой.

Разумеется, никто из присутствовавших на похоронах не понял ни слова, мелькнуло сейчас в мыслях у Китти, но Сесили декламировала отчетливо и складно.

Они проговорили несколько часов, обмениваясь воспоминаниями, постепенно сдвигая кресла, берясь за руки время от времени и сближаясь, как неизбежно сближаются люди, разделившие столь огромную потерю. К тому моменту, когда беседа добралась до расторгнутой помолвки Китти, за окнами стемнело.

– Вы правильно сделали, что приехали, – заверила тетя Дороти, разливая по бокалам ратафию². – Лондон – самое подходящее место. Если бы вы связали себя с Батом или Лайм-Реджисом в это время года, все закончилось бы полным фиаско. Считайте меня своей феей-крестной, мои дорогие. Уверена, мы подберем превосходные партии вам обоим всего за несколько недель.

Сесили, задумавшаяся о чем-то своем, стремительно вернулась в реальность, распахнула глаза и бросила на сестру обвиняющий взгляд.

– Но партию нужно подобрать только мне, – заявила Китти твердо. – Сесили еще слишком молода.

– Ты совершенно уверена? – удивленно спросила тетя Дороти. – Разве не мудрее было бы найти мужей вам обоим?

– Совершенно уверена, – подтвердила Китти, и Сесили вздохнула с облегчением.

Тетя Дороти, похоже, не согласилась, но почти мгновенно овладела собой.

– Тем не менее, полагаю, она поможет нам расставить силки, – заявила хозяйка дома. – У нас много дел, прошу заметить. Мы должны разобраться с вашей одеждой, прическами, с вашими... – Она повела рукой в жесте, который как бы охватывал все, что касалось внешности сестер. – Нельзя терять ни дня, сезон вот-вот начнется.

² *Ратафия* – крепкий алкогольный напиток, настаиваемый на фруктах или ягодах.

3

Наутро гости проснулись раньше хозяйки – Китти предположила, что таковы привычки всех горожан, – однако тетя Дороти развеяла возможные подозрения в лености, начав день бодро и деятельно.

– Нельзя терять ни минуты, – приговаривала она, торопя подопечных, пока те надевали плащи, выходили из дома и устраивались в наемном экипаже.

Прежде всего, по просьбе Китти, они подъехали к неприметному зданию на Бонд-стрит, где она продала остатки маминых драгоценностей за десять фунтов – на лондонские расходы. Это были их последние сбережения, и Китти содрогнулась, подумав о том, что десять фунтов (которые, разумеется, исчезнут довольно быстро) – единственное, что отдаляет их от долговой тюрьмы. Ей стоило усилий отогнать эту мысль. Кто-то мог бы счесть, что глупо тратить драгоценные монеты на безделушки, но для нее предстоящие расходы на роскошь были столь же необходимы, сколь и траты на починку протекающей крыши в коттедже Нетли.

– Утренние платья, вечерние платья, шляпы, перчатки, нижние юбки – нам нужно все, – объяснила тетя Дороти, пока они тряслись в экипаже по брусчатой мостовой. – Великосветские модницы заказывают платья в мастерской миссис Трио, обувь у Хоби, шляпы у Локка, но нам для всех покупок вполне подойдет Чипсайд.

Район Чипсайд располагался на месте бывшего рынка, однако Китти он показался великолепным. Море лавок: текстильных, кондитерских, ювелирных, книжных, шляпных, чулочных, башмачных, здание за зданием, улица за улицей, миля за милей. Направляемые сохранявшей невозмутимость тетей Дороти сестры ураганом пронесли по всем лавкам, где с них снимали мерки для платьев: утренних, вечерних, бальных и для прогулок. Они примеряли шляпы и кончиками пальцев гладили невероятно мягкие чулки. Так, расставаясь с одним шиллингом за другим, сестры делали вложения в свое будущее.

На Уимпол-стрит они вернулись за полдень, весьма утомленные. Но тетя Дороти заявила, что дела далеко не закончены.

– Наряды – это просто, – произнесла она безжалостно. – Значительно сложнее вести себя как благородные юные леди. Вы много времени проводили в приличном обществе?

– Мы часто обедали в поместье Линфилдов, – ответила Китти, не уверенная, что это сгодится.

Мистер Тэлбот и сквайр еще до обручения их дочери и сына были большими друзьями, их объединяло пристрастие к дорогому бренди и карточным играм, поэтому семейство Тэлбот и получало приглашения от Линфилдов.

– Хорошо, – одобрила тетя Дороти. – Для начала каждый раз, покидая этот дом, представляйте себе, что вы находитесь на приеме у Линфилдов. Держите осанку, ходите спокойно и медленно, без всякой суеты. Каждое движение должно быть томным и грациозным. Разговаривайте тихо, отчетливо произнося слова. Вульгарные выражения строго запрещены, а когда сомневаетесь, лучше помалкивайте.

В течение трех дней тетя Дороти муштровала своих подопечных: как правильно ходить, укладывать волосы по последней моде, держать веер, вилку, сумочку. Преображение в благородную даму, как скоро начала догадываться Китти, означало столь непреклонное владение собой, что становилось невозможно дышать. Тело превращалось в корсет, надежно скрывавший внутри всяческую неадекватность, неблагопристойность, все проявления характера. Китти тщательно собирала крупницы сведений и убеждала Сесили делать то же самое – сестра имела привычку отвлекаться на посторонние мысли, как только происходящее переставало ее интересовать. К моменту, когда привезли первую партию готовых платьев, головы девушек уже кружились от полученных знаний.

– Слава богу! – провозгласила тетя Дороти, принимая доставленные наряды. – По крайней мере, теперь вы можете не краснея выйти из дому.

Китти и Сесили отнесли коробки наверх, в спальню, где распаковали их не без изумления. Мода, как они обнаружили, менялась в Лондоне значительно быстрее, чем в Биддингтоне. Восхитительные новые туалеты имели лишь отдаленное сходство с привычной одеждой сестер. Прелестные голубые и желтые утренние платья, муслиновые накидки, теплые плащи, короткие атласные жакеты-спенсеры и самое умопомрачительное – два вечерних платья, изящнее которых Китти ничего в жизни не видывала. В них сестры и облачились – осторожно, помогая друг другу. Они уложили волосы, как показала им тетя Дороти, старательно украсили прически живыми цветами и, закончив, не узнали самих себя.

Их отражения в высоком зеркале ошеломили Китти. Она привыкла к тому, что Сесили всегда выглядела так, словно только что пробудилась от глубокого сна. Но в этом белом платье из блистающей невесомой ткани сестра походила на ангела; казалось, еще мгновение – и растает в воздухе. Светлые локоны, обрамлявшие лицо, нежно смягчали ее черты. Платье Китти тоже было белым – обычный цвет для юных дебютанток. Оно составляло резкий контраст с ее темными волосами – от природы прямыми, но теперь завитыми в локоны – и подчеркивало выразительно изогнутые брови над сияющими глазами.

«Эти девушки в зеркале производят сильное впечатление», – подумала Китти.

Они выглядели так, словно здесь, в Лондоне, им самое место.

– Очаровательно! – восхищенно хлопнула в ладоши тетя Дороти. – Думаю, вы готовы. Приступим сегодня вечером.

С наступлением сумерек они прибыли в Королевский театр Ковент-Гарден. Освещенное пламенем свечей здание с высокими сводчатыми потолками и богато украшенными интерьерами выглядело поистине прекрасно. Театр не был переполнен, как в разгар сезона, однако повсюду раздавался гул оживленных голосов.

– Посмотрите на всех этих людей, мои дорогие, – одобрительно заметила тетя Дороти. – Вы чувствуете разлитые в воздухе возможности?

– «Печать бессилья и тоски»³, – мрачно продекламировала Сесили, и Китти узнала голос, которым та обычно цитировала строчки из своих любимых книг.

Тетя Дороти смерила ее подозрительным взглядом. По дороге в огромное фойе она прошипела Китти на ухо, чтобы Сесили не услышала:

– Она что, дурочка?

– Интеллектуалка, – тихо объяснила Китти.

– Этого я и боялась, – вздохнула тетя Дороти.

Они медленно двинулись в зрительный зал. Тетя Дороти сосредоточенно поглядывала по сторонам и приветствовала знакомых в толпе.

– Нам очень повезло, – прошептала она. – Я не ожидала, что здесь будет так много подходящих холостяков, ведь сезон еще как следует не начался.

Китти кивнула, усаживаясь в кресло, но отвлеклась. Ее взгляд упал на самое величавое из всех когда-либо виденных ею семейств, и эти люди мгновенно и полностью завладели ее вниманием. Сидевшие высоко над залом в собственной ложе три незнакомца, даже на неискушенный взгляд Китти, выделялись из толпы. Прекрасные и безупречно одетые молодой джентльмен, юная леди и привлекательная франтоватая женщина, очевидно, составляли одну семью. Все время, пока Китти наблюдала за ними, они улыбались друг другу и смеялись, не заботясь ни о чем, кроме собственного удовольствия.

Тетя Дороти проследила за ее взглядом и неодобрительно щелкнула языком.

³ Из стихотворения «Лондон» Уильяма Блейка (1757–1827). Перевод С. Маршака.

– Нет никакого смысла на них заглядываться. Конечно, моя дорогая, меня восхищает твое честолюбие, но советую не забывать о нашем положении в обществе.

– Икар, – внесла свою лепту Сесили, то ли соглашаясь с наставницей, то ли просто желая придать разговору интеллектуальную окраску – это осталось непроясненным.

– Кто они? – спросила Китти, все еще глядя вверх.

Недовольство тети Дороти сдалось перед искушением посплетничать.

– Де Лейси, – сказала она, наклоняясь ближе. – Вдовствующая графиня леди Рэдклифф и двое ее младших детей: мистер Арчибальд де Лейси и леди Амелия де Лейси. Богаты, как короли. Конечно, львиную долю получил старший сын, граф Рэдклифф, но и каждому из младших достанется недурное состояние – не меньше восьми тысяч в год, по моим прикидкам. Ожидается, что все они составят блестящие партии.

Она откинулась на спинку кресла. Представление началось, но Китти не могла отвести глаз от де Лейси. Каково это – с самого рождения знать, что тебя ждет надежно обеспеченное и счастливое будущее? Сидя в собственной ложе, возвышаться над остальным обществом. Следовало признать – там, на высоте, они выглядели так, словно это для них и предназначено. Существовал ли какой-то другой мир, в котором и Китти нашлось бы местечко рядом с ними? Ее отец был рожден джентльменом и до женитьбы вращался в тех же кругах, что и они, не придавая значения своему везению. Если бы события повернулись иначе... Китти ощутила укол бессмысленной зависти по отношению к той несуществующей Кэтрин Тэлбот, которая могла бы занять положение на одном уровне с золотой семьей де Лейси. И только когда тетя Дороти толкнула ее локтем, Китти наконец отвернулась.

В антракте у Китти и Сесили не нашлось и минутки свободной – тетя Дороти представляла их своим знакомым: богатым купцам, их сыновьям, женам и матерям, чиновникам, офицерам в щегольских мундирах и держащим их под руки красиво одетым дамам. За всю жизнь Китти не встречала столько новых людей, сколько за один этот вечер, и помимо воли испытала некоторое ошеломление – как в тот день, когда она пятнадцатилетней девочкой вошла в поместье Линфилдов на первое свое суаре, ужасно боясь совершить какую-нибудь ошибку. Она вспомнила, как мать шептала ей на ухо слова поддержки, вспомнила щекочущее нос благоухание маминой розовой воды. «Смотри и слушай, моя дорогая, – говорила мама. – Наблюдай и повторяй за ними, это не так уж сложно».

Китти сделала такой глубокий вдох, что в своих фантазиях почти ощутила аромат розовой воды, собралась с духом и приложила все силы, чтобы произвести впечатление. Как шляпник придает форму шляпе, дабы та соответствовала моде, так Китти придавала форму самой себе, чтобы соответствовать запросам собеседников: с готовностью смеялась над шутками мужчин, почитавших себя великими остроумцами, восторгалась тщеславными, а скромникам улыбалась и была с ними более словоохотлива.

Домой они возвращались в приподнятом настроении.

– Мистер Мелбери получает тысячу в год, – рассказывала тетя Дороти по дороге. – Мистер Уилкокс, похоже, весьма заинтересовался Сесили, и...

– Мы договорились, что Сесили здесь не для того, чтобы сделать партию, – перебила ее Китти, и сидящая рядом сестра расслабилась.

– Конечно, конечно, – снисходительно отмахнулась тетя Дороти. – Понять, как к вам отнесся мистер Пирс, было немного сложнее, но после смерти отца он получил прекрасное состояние, сделанное на морских перевозках. Что до мистера Кливера...

– Есть ли среди ваших знакомых мужчин такие, кто имеет больше двух тысяч в год? – снова перебила ее Китти.

– Больше двух тысяч в год? – переспросила тетушка. – Ради всего святого, дитя мое, каковы твои ожидания?

– Состояние мистера Линфилда – четыре тысячи в год, – нахмурившись, ответила Китти.

– Четыре? – удивилась тетушка. – Боже правый, да этот сквайр – настоящий богач! Но, мои дорогие, повторения подобного чуда вам ожидать не следует. Очень трудно нажать такое состояние, не владея землями, а в моих кругах излишка землевладельцев не наблюдается.

Китти обдумала неприятную новость. Мистер Линфилд был богат – настолько, что без особых затруднений мог бы оплатить немалые долги семейства Тэлбот. Но Китти предполагала, что найдет в Лондоне множество мужчин с таким же доходом.

– Мне не следует ожидать, что я встречу здесь кого-то с равноценным состоянием? – уточнила она с замиранием сердца.

– Среди моих знакомых – нет, – рассмеялась тетя Дороти.

Китти вдруг стало жарко. Кажется, она порядком сглупила. Ей не терпелось поскорее вернуться на Уимпол-стрит, взять перо и бумагу и спокойно все посчитать. Устроят ли ее две тысячи в год, если требуется обеспечить сестрам не только безбедную жизнь, но со временем и приданое? Достаточно ли этого?

– Сколько вы должны? – проницательно осведомилась тетя Дороти.

Китти назвала сумму. Сесили – оказывается, она прислушивалась – ахнула, а тетя Дороти позволила себе совсем не благовоспитанно присвистнуть.

– Боже мой, – сказала она, округлив глаза. – Значит, остается только мистер Пирс.

– Да, – согласилась Китти, хотя и с некоторым сомнением.

Конечно, две тысячи лучше, чем ничего, но ведь предстояло не только отдать долги. Достаточно ли двух тысяч в год на то, чтобы выплатить далеко не ничтожную сумму, сохранить Нетли, а после обеспечить будущее младших сестер? Что, если кому-то из девочек понадобится приданое, чтобы выйти замуж за джентльмена? Что, если приданое понадобится им всем? Что, если, наоборот, избранник одной из них окажется беден? Или взять, например, Сесили, которой для счастья необходим не муж, а множество дорогих книг. Китти предполагала, что мистер Линфилд оплатит все эти расходы, но даже добрейший из мужей не сможет пообещать ей то же самое, имея возможность тратить лишь тысячу в год.

– А в таких местах, как... «Олмакс», – там богатых джентльменов можно встретить чаще? – спросила она задумчиво.

– Бальные залы «Олмакс»? Китти, ты хочешь сорвать звезду с неба? – негодуя откликнулась тетя Дороти. – Существует громадная разница между приличным обществом и высшим светом – миром лордов и леди, земельных владений и огромных денег, – и открыть вам доступ в него я не могу. Нужно родиться в этом мире, нет другого способа раздобыть приглашение. Оставь эти опасные идеи, сосредоточься на подобных мистеру Пирсу и почитай за счастье, если заполучишь такого мужа.

По возвращении на Уимпол-стрит Китти поднялась в спальню, не сказав больше ни слова. Пребывая в меланхолии, она снова и снова обдумывала слова тети Дороти, пока готовилась ко сну, и не оставила размышлений, когда Сесили задула свечу и улеглась рядом в кровать. Сестра мгновенно заснула, и Китти слушала в темноте ее дыхание, завидуя той легкости, с которой Сесили смогла отбросить тревоги нынешнего дня.

Две тысячи не положили бы конец нужде, но, по крайней мере, могли бы помочь. В сущности, мама довольствовалась куда меньшей суммой в год. Две тысячи значительно больше тех отступных, которые мистер и миссис Тэлбот получили в обмен на их отъезд из Лондона много лет назад. Разумеется, этих денег не хватало, особенно потому, что папа так и не сумел приспособить образ жизни обеспеченного одинокого джентльмена к положению отца пятерых детей, который располагает стремительно уменьшающимся годовым доходом в пятьсот фунтов. Китти не увлекалась азартными играми и столетним портвейном, однако она должна была обеспечить будущее сестер, и в отличие от мамы и папы ей была недоступна роскошь замужества по любви, помогающей унять разлад в душе, когда пенни начинают иссякать.

В сотый – тысячный, миллионный – раз Китти пожалела, что не может обсудить свои заботы с матерью. К счастью, теперь у них есть тетя Дороти – искусный проводник по Лондону, но это не одно и то же. Китти отчаянно хотелось поговорить с кем-то, кто близко ее знал, кто любил ее сестер так же сильно, как она сама, кого точно так же, как ее, терзали видения Джейн, Беатрис, Гарриет и Сесили, оставшихся в одиночестве, заброшенных в самые темные и недобрые уголки страны, – с кем-то, кто разделит бы ее готовность пойти на что угодно в погоне за счастьем сестер. Понять ее могла только мама. Китти была уверена: мама знала бы, как поступить, ее не остановили бы такие глупые ограничения, как общественная иерархия и титулы. В конце концов, именно она, а не тетя Дороти дерзнула полюбить джентльмена, занимавшего гораздо более высокое положение.

Китти повернулась на бок, пытаясь обуздать бунтарские мысли. Бесполезно размышлять о том, что она не в силах изменить. Мама ушла, и нести эту ношу Китти предстоит в одиночку. Тетя Дороти – ее единственная советчица, но она рассмеялась в ответ на вопрос о более богатых мужчинах, чем мистер Пирс. Рассмеялась беззлобно, искренне сочтя идею комичной, и, возможно, Китти следует к этому прислушаться.

В ту ночь засыпала она тяжело, пока за господство над ее разумом боролись утомление и тревога. Но, даже окончательно погружаясь в сон, Китти не перестала удивляться: что неправильного в ее желании найти претендента побогаче, чем мистер Пирс, если уж она вынуждена продать себя ради семьи?

4

На следующее утро Китти проснулась со страстным желанием отдохнуть от суеты лондонских улиц и после завтрака уговорила Сесили прогуляться в Гайд-парке. По настоянию тети Дороти с ними отправилась ее служанка Салли, которая должна была идти, отставая на два шага. Сестры добрались до своей цели довольно легко. Они двинулись вдоль берега Серпентайна⁴ быстрым, вопреки наставлениям тети Дороти, шагом, весьма неприличным по сравнению с томной поступью прочих леди. Китти с облегчением вдыхала чистый воздух, любовалась зеленой травой и деревьями. Хотя и значительно более упорядоченный, чем любой ландшафт в Биддингтоне, парк напомнил Китти дом сильнее, чем все уже увиденное ею в Лондоне.

Интересно, прогуливались ли здесь ее родители, задумалась Китти. Если да, то определенно не в такой погожий день. Они не были обычной парой. Учитывая неистовое осуждение, с каким семья мистера Тэлбота восприняла его увлечение дамой полусвета, ему пришлось ухаживать за избранницей тайно. В хорошую погоду, когда представители высшего общества устремлялись на зеленые лужайки Лондона, будущие родители Китти находили убежище в закрытых помещениях, вдали от людских глаз. Вероятно, Гайд-парк они посещали вместе только в дождливые и ветреные дни, когда никто не нарушил бы их уединения. Китти знала, что маму это устраивало. Рожденная и выросшая в большом городе, она безудержно стремилась на свежий воздух в любую погоду, тогда как мистер Тэлбот предпочитал развлечения под крышей.

Одно из самых заветных воспоминаний об отце у Китти было связано с игрой в карты. Каждое воскресенье, сколько она себя помнила, и до последнего дня перед папиной смертью семья устраивалась в гостиной. Он научил Китти не только висту и фараону. Играли они всегда на деньги – по настоянию дочери, на мелкие, – ибо мистер Тэлбот твердо полагал, что игрок ведет себя иначе, если вынужден расплачиваться звонкой монетой. Китти запомнила их первую партию в пикет. Освоив правила, она предпочла на каждом ходу ставить всего лишь полпенни.

– Почему так мало, моя дорогая? – хмыкнул тогда отец. – У тебя хорошие карты.

– На случай, если я проиграю, – ответила она как о чем-то само собой разумеющемся.

Мистер Тэлбот выпустил из трубки клуб дыма и наставительно покачал пальцем.

– Нельзя начинать игру, заранее настроившись на поражение, – предостерег он. – Играй, чтобы победить, моя дорогая. Всегда.

– О! – Голос Сесили вывел ее из грез, возвращая в настоящее. – Кажется, я ее знаю.

Китти перевела взгляд. Это были де Лейси, на которых она засмотрелась в театре. Прогуливаются по парку. Темноволосая, надувшая губки леди Амелия в изысканной накидке и заметно скучающий светловолосый мистер де Лейси.

– Что значит ты ее знаешь? – быстро и требовательно спросила Китти.

– Мы учились в одной школе, – неопределенно ответила Сесили, уже теряя интерес. – Она немного младше, у нас с ней общие литературные вкусы. Леди Амелия де... что-то там.

– И ты решила, что это не заслуживает упоминания? – прошептала Китти, крепко хватая сестру за руку.

– Больно! – пожаловалась Сесили. – Как я могла упомянуть об этом раньше, если я только что ее увидела?

Еще несколько мгновений – и их пути пересекутся. Китти надеялась, что леди Амелия заметит и тоже узнает Сесили, но та шла, не поднимая взгляда. Их разделяло примерно десять ярдов – поистине пропасть.

Так не годится.

⁴ *Серпентайн* – искусственное озеро в Гайд-парке.

Оставалось десять шагов, и Китти поджала пальцы ног. Затем, когда расстояние сократилось до пяти футов, она резко согнула ногу и намеренно споткнулась.

Туфелька взлетела в воздух, а Китти тяжело оперлась на сестру и вскрикнула:

– О нет!

Сесили испугалась, но удержала сестру без особых усилий.

– Китти? Тебе нужно присесть?

– Мисс Тэлбот? – бросилась на помощь Салли, но Китти от нее отмахнулась.

– Я подвернула ногу, – выдохнула она. – Но... ох, где моя туфелька? Она слетела.

Один, два, три...

– Прошу прощения, мисс, это ваше?

Получилось! Китти подняла голову и увидела молодого джентльмена, мистера де Лейси, протягивающего туфельку. На щеках его горел румянец смущения, а заинтересованный огонек в глазах вспыхнул ярче, когда он перевел взгляд на лицо Китти.

– Спасибо, – произнесла она, благодарно принимая туфельку.

Решив, что ей самой не помешало бы покраснеть, Китти приказала щекам подчиниться, но безуспешно. Весьма прискорбно, что она не относится к числу девиц, заливающихся краской по любому поводу.

– Сесили? Мисс Сесили Тэлбот? – приблизилась к ним леди Амелия.

«Вот теперь, сестренка, только не подведи...»

– Леди Амелия. – Короткий приветственный кивок, протянутая для пожатия рука.

– Ты теперь живешь в Лондоне? Это твоя сестра?

Никакие светские условности не останавливали юную леди. Преимущество богачей.

– Да. Моя сестра, мисс Тэлбот. Китти, это леди Амелия и... – Сесили бросила вопросительный взгляд на мистера де Лейси.

Поистине она отлично справлялась. Умница!

– Ее брат, мистер де Лейси, – поспешил представиться он, улыбаясь и переводя восхищенный взгляд с одной сестры на другую.

– Вы сильно поранились? – спросила леди Амелия. – Арчи, ради всего святого, подай ей руку, ты не против?

Мистер де Лейси – значит, Арчи – послал сестре оскорбленный взгляд.

– Позвольте сопроводить вас до дома, – предложил он галантно. – Не стоит ходить пешком с поврежденной лодыжкой. Мы можем отвезти вас в своей карете. Прошу, обопритесь на мою руку.

Китти грациозно приняла протянутую руку и облокотилась на молодого джентльмена, чтобы под юбками надеть на ногу туфельку. Мистер де Лейси прочистил горло, отводя взгляд.

Процессия медленно двинулась к стоящему в отдалении ряду карет. Сесили и леди Амелия шли впереди, склонив друг к другу головы и охотно восстанавливая бывшее знакомство. Китти и мистер де Лейси последовали за ними. Через секунду Китти поняла, что хромает не на ту ногу, и быстро исправила ошибку, прежде чем кто-либо заметил.

Шла она, может, и медленно, зато размышляла стремительно.

Такую возможность ни при каких обстоятельствах нельзя было предсказать, и, разумеется, Китти ее не упустит. По примерным подсчетам, она располагала всего двадцатью минутами, чтобы произвести впечатление на новых знакомых: за шесть-семь минут они дойдут до кареты, потом короткая поездка до Уимпол-стрит. Китти не знала мистера де Лейси, а потому совершенно не представляла, под каким углом его следует атаковать, чтобы попасть в наиболее уязвимую точку. Впрочем, едва ли он сильно отличался от других представителей своего пола.

– Я почитаю вас за своего героя, мистер де Лейси, – промолвила Китти, распахнув глаза и глядя снизу вверх на собеседника. – Вы так добры! Не знаю, что бы мы делали, не приди вы на помощь.

Мистер де Лейси сконфуженно склонил голову. Ключуло! Удочка напряглась в руках Китти.

– Так поступил бы каждый, – запротестовал он. – Я ведь джентльмен.

– Вы слишком, слишком скромны! – воскликнула она тепло и настойчиво, а потом добавила с придыханием: – Вы сражались на Пиренейском полуострове? У вас осанка военного.

Мистер де Лейси порозовел.

– Нет-нет, – заторопился он поправить ее. – Я был слишком молод... хотел бы сражаться там, но я к тому времени еще не окончил школу. Мой брат воевал при Ватерлоо... конечно, не должен был, поскольку он первенец, но он никогда не обращал внимания на подобные условности... – Он запнулся, сообразив, что сбивается с темы. – Но в Итоне я был капитаном команды по крикету!

– О, чудесно! Должно быть, вы прекрасный спортсмен.

Комплимент произвел на мистера де Лейси достаточно приятное впечатление, чтобы его принять, пусть и не без смущения. В сущности, за последующие несколько минут он узнал о себе много нового и лестного: что у него военная выправка, природная склонность к героическим поступкам, сильная рука, а еще – что он ужасно забавен и поразительно умен. Его высказываниям сосредоточенно внимали, а историю из школьной жизни, которую родственники когда-то выслушали со снисходительной вежливостью, мисс Тэлбот нашла просто умоуменьительной – Арчи всегда подозревал, что это абсолютно справедливо.

«У мисс Тэлбот великолепное чувство юмора», – подумал Арчи.

И разумеется, он понятия не имел, что во время этой насыщенной комплиментами беседы мисс Тэлбот искусно вытягивала из него устойчивый поток сведений: он боготворит своего брата лорда Рэдклиффа, главу семьи, но тот редко появляется в Лондоне; вскоре мистеру де Лейси исполнится двадцать один год, после чего он сможет распоряжаться своим состоянием. Нет, все, что знал мистер де Лейси, – никогда прежде он не получал такого наслаждения от прогулки.

«В жизни не встречал столь приятной собеседницы, как мисс Тэлбот», – решил он.

Слишком скоро они дошли до вереницы карет, и леди Амелия остановилась перед элегантной коляской, крыша которой была опущена из почтения к весеннему воздуху. При их приближении кучер и лакей вытянулись по стойке смирно. Китти велела Салли возвращаться домой пешком, полюбовалась лошадьми – четверкой идеально подобранных серых, – а потом ее посадили в коляску. Леди Амелия и Сесили устроились рядом на переднем сиденье, так что мистеру де Лейси пришлось сесть рядом с мисс Тэлбот. Он прочистил горло, мучительно смутившись столь близким соседством, и постарался сохранить вежливую дистанцию. Китти, со своей стороны, бросила на мистера де Лейси взгляд из-под ресниц – трюк оказался сложнее, чем она могла ожидать, – и была вознаграждена еще одной вспышкой румянца, когда их глаза встретились.

Лошади плавно тронулись с места, мимо замелькали лондонские улицы. Китти поспешно пересчитала в уме – они продвигались по загруженной дороге значительно быстрее, чем она предполагала, словно один только вид герба де Лейси заставлял окрестные повозки бросаться врасыпную, а значит, они прибудут на Уимпол-стрит всего через несколько минут.

Глядя на мистера де Лейси, Китти испустила театральный вздох.

– Как вы думаете... – начала было она, но оборвала себя и опустила глаза с хорошо просчитанным сожалением.

– Да? – нетерпеливо спросил мистер де Лейси.

– Нет, неподобающе с моей стороны даже подумать об этом, – продолжила Китти. – Вы и без того были слишком добры.

– Молю вас, мисс Тэлбот, просите о чем угодно, – сказал он.

Она грациозно сдалась.

– Для нас с сестрой так важны прогулки на свежем воздухе, я без них не выдержу. Но, боюсь, Сесили недостаточно сильна, чтобы помогать мне ходить, пока не заживет лодыжка...

Она многозначительно умолкла, мистер де Лейси сочувственно поцокал языком и глубоко задумался. А потом его осенила идея.

– Мы снова к вам присоединимся, и вы сможете опереться на меня! – провозгласил он галантно.

– Вы уверены, что мы вас не обременим? – спросила Китти. – Мы были бы вам так благодарны.

– Нисколько... не стоит упоминания... ничуть, – полилось из него потоком.

Коляска свернула на Уимпол-стрит.

– Тогда, может, встретимся утром у Западных ворот? – предложила Китти, улыбаясь ему.

– Чудесно! – просиял мистер де Лейси, а потом, засомневавшись, спросил: – Вы уверены, что к этому времени ваша лодыжка заживет достаточно?

– Без малейших сомнений, – сказала Китти чистейшую правду.

Они тепло распрощались, и сестры проводили взглядами сверкающую карету – значительно более пышную и величественную, чем дома вокруг. Когда карета, повернув за угол, исчезла из виду, Китти упоенно вздохнула. Согласно ее убеждениям, удачливость человека зависит только от него самого, а у нее возникло чувство, что она действительно поймала удачу.

Уимпол-стрит, понедельник, 9 марта

Моя дорогая Беатрис!

Мы благополучно прибыли в Лондон, и тетя Дороти оправдала все наши надежды. Пусть наше положение не беспокоит тебя ни в малейшей степени, мы с тетей Дороти положительно убеждены, что я добьюсь помолвки до завершения сезона. Мы должны стойко продержаться еще несколько месяцев, а потом все будет хорошо, обещаю.

Как ты справляешься? Ответь мне, сообщи все новости о вас, как только получишь это письмо. Удалось ли вам пополнить запасы? Достаточно ли сумма, которую я оставила? Если нет, я изловчусь прислать вам еще, поэтому пиши прямо, как только испытаешь хотя бы незначительные неудобства. Если возникнут внезапные затруднения, сразу обратись к миссис Свифт, я уверена, что она поможет до того момента, когда тебе удастся известить меня.

Меня по-прежнему огорчает мысль, что я пропущу день рождения Джейн. На той неделе в Петертоне как раз пройдет ярмарка, и я отложила немного денег, чтобы вы смогли ее посетить. Ты найдешь их в папином столе. Постарайтесь провести этот день как можно более весело, несмотря на наше отсутствие.

У меня нет времени написать скрупулезный отчет о наших занятиях, но я постараюсь запомнить все до мельчайших подробностей, чтобы рассказать вам, когда мы вернемся. А вы сделайте то же самое для меня и Сесили, и тогда, воссоединившись, мы почувствуем себя так, словно и не расставались.

Мы любим вас, скучаем и стараемся вернуться как можно скорее.

Твоя любящая сестра

Китти.

5

Леди Рэдклифф, овдовев довольно молодой, в сорок шесть лет, обрела изрядное состояние и свободу, гораздо более значительную, нежели та, коей она пользовалась будучи замужем. Разумеется, она горько оплакивала супруга и по-прежнему глубоко переживала потерю, но по прошествии некоторого времени оценила открывшиеся ей удовольствия. В сущности, она утратила зависимость от человека, чей суровый нрав не допускал ни малейших проявлений легкомыслия. Через несколько лет после кончины мужа графиня обнаружила, что образ богатой вдовы устраивает ее как нельзя лучше. Содержание этой новой главы в жизни леди Рэдклифф определялось тремя страстными привязанностями: ее дети (и беспокойство за них), высший свет (и предлагаемые им развлечения), наблюдение за собственным здоровьем (вернее, его отсутствием).

Этих занятий было вполне достаточно, чтобы не сидеть без дела. Простительным можно считать то обстоятельство, что в редких случаях, сосредоточившись на одном из предметов своей страсти, графиня, к несчастью, упускала из внимания другой. Именно в результате такого события леди Рэдклифф, оторвавшись от пристального изучения подрагивающей левой руки, – дрожь, несомненно, явилась последствием череды обмороков, – не без легкой тревоги обнаружила, что ее второй сын безудержно восхваляет некую девицу.

– Кто такая мисс Тэлбот? – Леди Рэдклифф не помнила, чтобы слышала это имя прежде. Арчи, немного обиженный, закатил глаза:

– Вы знаете, мама. Сестры Тэлбот. Мы каждый день прогуливаемся с ними в Гайд-парке.

– Ты каждый день встречаешься с одними и теми же барышнями? – ужаснулась леди Рэдклифф.

В таком внимании к юной леди для Арчибалда де Лейси, как и для любого мужчины его возраста, не было ничего необычного, однако это увлечение расцвело слишком быстро.

– Да, мама, – мечтательно ответил Арчи. – Она прекраснейшее из всех созданий на свете. Я считаю себя счастливейшим из ныне живущих и благодарю случайность, которая свела нас вместе.

Не на шутку разволновавшись, леди Рэдклифф пожелала узнать, как именно ее дети познакомились с сестрами Тэлбот. Ответ Арчи, довольно бессвязный, содержал сведения о тувельке и растянутой лодыжке, а также восторженное описание цвета глаз старшей мисс Тэлбот, что ни в коей степени не умерило дурные предчувствия его матери. Всякий, кто владеет столь крупным состоянием и носит столь благородное имя, как де Лейси, просто обязан поддерживать в себе подозрительность. По мнению леди Рэдклифф, окружающий мир изобилует опасностями как для доброго имени, так и для здоровья, и ей представлялось жизненно важным бдительно оберегать и то и другое. Безродные прихлебатели вечно пытаются втереться в доверие к титулованным и респектабельным особам, действуя, словно паразиты в природе. Влияние, роскошь, положение в обществе, накапливаемые и охраняемые столетиями, вечно искушают тех, кто всем этим не обладает. А для матери троих детей, достигших брачного возраста, угроза становится еще значительнее. Леди Рэдклифф отчетливо понимала, что каждый из ее детей, обеспеченных солидным наследством, является лакомой добычей для алчных охотников за богатством.

– Я бы хотела познакомиться с этими молодыми леди, раз вы так с ними сблизились, – заявила она твердо, перебивая сына, описывавшего комические куплеты, которые мисс Тэлбот нашла чрезвычайно смешными.

– В самом деле? – удивленно спросил Арчи. – Я думал, вы... совершенно измучены одолевшим нездоровьем.

– Если ты имеешь в виду мои обмороки, – надменно возразила леди Рэдклифф, отметившая в голосе сына нотки сомнения, что она нашла весьма невежливым, – тогда тебе следует знать, что мое состояние улучшилось. Я бы хотела познакомиться с этими девицами Тэлбот. Пригласите их нанести нам визит после прогулки.

Пребывая в неведении относительно скрытых побуждений матушки, Арчи принял идею с восторгом и позже тем утром, счастливый, рысью ускакал в Гайд-парк. В отличие от него, леди Рэдклифф ожидала возвращения детей с прогулки в состоянии нарастающего беспокойства. Как глупо с ее стороны было отвлечься в такой момент! Арчи явно ослеплен этой молодой леди – особой, безусловно, решительно неподобающей, если она разгуливает по Лондону, теряя туфли. Леди Рэдклифф поразмыслила, не следует ли написать Джеймсу, предостеречь его, но в итоге отказалась от этой идеи. По возвращении из Ватерлоо ее старший сын нашел прибежище в Рэдклифф-холле в Девоншире. И хотя леди Рэдклифф нравилось поддерживать осведомленность сына о семейных событиях, она также старалась не беспокоить его без необходимости. Участие Джеймса в той военной кампании противоречило желаниям родителей, но теперь графиня не считала допустимым сетовать на его отшельничество. В конце концов, что она знала о войне?

Время тянется медленно для того, кто тревожится. Леди Рэдклифф показалось, что прошло не меньше ста лет до возвращения с прогулки Арчи и Амелии в сопровождении сестер Тэлбот. К этому моменту дурные предчувствия, обуревавшие леди Рэдклифф, разрослись до такой степени, что она ждала увидеть парочку распутных мошенниц, ухмыляющихся алыми накрашенными губами. Однако она испытала облегчение, обнаружив, что обе мисс Тэлбот производят впечатление вполне милых и благовоспитанных девиц: их платья для прогулок и пелерины были сшиты по последней моде (хотя и не в мастерской миссис Трио, как критично подметила графиня), волосы уложены в надлежащей манере, движения грациозны и сдержанны. Возможно, она ошиблась, решив, что случилось нечто внушающее более серьезные опасения, нежели очередная юношеская влюбленность Арчи.

Леди Рэдклифф поднялась, чтобы поприветствовать гостей.

– Как поживаете, мисс Тэлбот, мисс Сесили? Приятно познакомиться, – произнесла она мягко.

Последовала пауза – графиня ждала от девушек реверанса, они должны были сделать это первыми при встрече с более высокопоставленной дамой. С некоторым запозданием обе юные леди низко присели. Значительно ниже, чем следовало, – в сущности, такой реверанс они должны были сделать перед герцогиней. Леди Рэдклифф содрогнулась. О боже!

Арчи ободряюще хлопнул в ладоши и осведомился:

– Пэттсон принесет угощения?

Он добежал до кресла и рухнул в него – а через секунду сконфуженно подскочил.

– Умоляю простить меня... мисс Тэлбот, мисс Сесили, не желаете ли сесть? – предложил он с широким приглашающим жестом.

Все расселись. Вдовствующая графиня снова обратила на молодых леди изучающий взгляд, на сей раз отметив подолы их платьев, слегка забрызганные грязью, туфли с деревянными пуговицами, без сомнения купленные в Чипсайде. Хм-м...

Стремительно вошел Пэттсон, ведя за собой трех горничных, несущих на подносах изысканные пирожные и свежайшие фрукты. Леди Рэдклифф почудилось, что старшая мисс Тэлбот разглядывала яства с восторгом, словно ничего великолепнее в жизни не видела. О боже!

– Мисс Тэлбот, Арчи сказал, вы остановились у тетушки, – произнесла леди Рэдклифф, сияясь хотя бы внешне выказать учтивость. – Она живет в окрестностях парка?

– Не очень далеко, – ответила мисс Тэлбот, надкусывая восхитительный фрукт. – На Уимпол-стрит.

– Очаровательно, – прокомментировала леди Рэдклифф без капли искренности.

Уимпол-стрит ни при каких обстоятельствах нельзя было счесть фешенебельной частью города.

Хозяйка дома повернулась к младшей мисс Тэлбот:

– Амелия сказала, вы вместе учились в пансионе для юных леди.

– Да, два года, – подтвердила мисс Сесили высоким ясным голосом.

– Только два? – спросила леди Рэдклифф. – Вы не продолжили образование?

– Нет, у нас закончились деньги, поэтому меня вернули домой, – ответила мисс Сесили, с наслаждением запихивая в рот кусочек пирожного.

Мисс Китти Тэлбот замерла, держа в руке стакан. Леди Рэдклифф с решительным звоном опустила тарелку. Боже правый, все еще хуже, чем она могла представить. Отвратительные парвеню, не только испытывающие столь разоблачительный недостаток средств, но и заявляющие об этом публично, в присутствии посторонних! Этих девиц требуется немедленно удалить из дома.

– Я только что вспомнила, – заявила она неискренне. – Монтегю сегодня ждут нас с визитом.

– Правда? – удивился Арчи, не донеся пирожного до рта. – Я думал, они еще не вернулись в Лондон.

– Да, чрезвычайная забывчивость с моей стороны. – Леди Рэдклифф встала. – Но если мы не придем, это сочтут крайне неучтивым. Мои извинения, мисс Тэлбот, мисс Сесили, но, боюсь, мы вынуждены преждевременно завершить ваш визит.

Призвав на помощь незаменимого Пэттсона, леди Рэдклифф выставила сестер Тэлбот из дома с поспешной напористой вежливостью – великосветским эквивалентом изгнания взашей. Они и опомниться не успели, как очутились на крыльце. Арчи ринулся следом, торопливо и с горячностью оправдываясь.

– Это не похоже на маму – забывать о таком, – донеслось до леди Рэдклифф. – Вы должны нас извинить... ужасно несчастливое стечение обстоятельств... страшно нелюбезно с нашей стороны так скоро завершить ваш визит.

– Не стоит извинений, – сердечно ответила мисс Тэлбот. – Встретимся в Гайд-парке завтра утром?

Нет, ответила бы леди Рэдклифф.

– Да, конечно, – неосмотрительно пообещал мистер де Лейси.

– Арчи! – властно прозвенел голос леди Рэдклифф, и ее сын, в последний раз попросив прощения у возлюбленной, бросился в дом.

Повинуясь резкому жесту вдовствующей графини, Пэттсон решительно закрыл дверь за сестрами Тэлбот.

– Конечно, она вас выставила, – с ожесточением произнесла тетя Дороти. – Чудо, что вас вообще впустили в этот дом. Ради всего святого, а чего ты ждала? Ей-богу, Китти, хоть убей, не могу понять, чему тут удивляться.

По итогам плачевно завершившегося визита в дом леди Рэдклифф Китти почувствовала необходимость признаться тетушке в истинной цели их ежедневных прогулок – прежде она это скрывала, опасаясь неодобрения. Как и следовало догадаться, тетя Дороти ничтоже сумняшеся заклеила ее дурочкой.

– Я не удивлена, – угрюмо сказала Китти. – Я разочарована. Если бы Сесили не проболталась, что у нас нет денег...

– Даже если бы не проболталась, леди Рэдклифф разоблачила бы вас секундой позже, – колко заметила тетя Дороти. – Мне знаком этот тип людей – они постоянно беспокоятся, как бы кто-то не позарился на их богатство. Помяни мое слово, дорогая, ты больше никогда не увидишь этого юношу.

Вопреки предсказаниям тети Дороти, на следующий день сестры вновь встретились с мистером де Лейси в Гайд-парке. Арчи выглядел немного смущенным, хотя и был рад увидеть Китти.

Едва успев приблизиться, леди Амелия ликуяще выпалила:

– Мама думает, вы гонитесь за нашим богатством! Это правда?

– Амелия! – возмущенно одернул ее мистер де Лейси. – Как ты могла такое сказать! – Он бросил на Китти извиняющийся взгляд. – Умоляю, простите, конечно, мы так не думаем... только мама... она привыкла считать...

Арчи, запинаясь, походил вокруг темы еще несколько мгновений, прежде чем заключить слабым голосом:

– Она очень старается нас защитить.

Своей речью он дал Китти отчетливое представление о том, каким заочным обвинениям они подверглись после ухода из дома Рэдклиффов. Китти подавила стон разочарования. Она страшно устала от мужчин, которых ведут в поводу другие женщины. Пора переходить в наступление.

– Прекрасно ее понимаю, – сказала она Арчи. – Ее желание вас защитить совершенно естественно. Для меня очевидно, что она по-прежнему считает вас ребенком.

– Но я уже не мальчик, – возразил он, упрямо выпячивая подбородок.

– Разумеется, – согласилась Китти.

Вдвоем они пошли вперед.

– Надеюсь... надеюсь, ваша матушка усомнилась в нас не из-за откровений Сесили о нашем финансовом положении, – произнесла она тихо.

Арчи ответил лишь бессвязным бормотанием.

Китти воззрилась вдаль, словно бы погрузившись в воспоминания.

– Папа всегда учил нас, что значение имеет только одно – наша натура, наша внутренняя сущность... Но я знаю, не все люди думают так же. Если это расстраивает вашу матушку, возможно, нам лучше не быть друзьями.

Конечно, ничему подобному отец их не учил, но ее блеф оказался успешным.

– О нет, не говорите так, мисс Тэлбот! – в ужасе взмолился мистер де Лейси. – Мы не позволим маме уничтожить нашу дружбу. Она страшно старомодна, но сам я совершенно согласен с вашим отцом.

Арчи расправил плечи, приготовляясь изречь нечто возвышенное:

– На самом деле меня... меня не волнует, принц вы или нищий!

И пусть он употребил эти слова в мужском роде, его заявление весьма порадовало Китти. Оно означало, что мистеру де Лейси более чем лестно считать себя влюбленным рыцарем, а леди Рэдклифф – драконом, охраняющим вход в замок. – Так утешительно слышать это от вас, мистер де Лейси, – поблагодарила Китти и остановилась, вынуждая собеседника сделать то же самое.

– Надеюсь, вы не сочтете меня слишком прямолинейной, – сказала она, вложив в голос все тепло, на какое была способна. – Но я начинаю видеть в вас драгоценнейшего из друзей.

– Я тоже, мисс Тэлбот, – с жаром откликнулся он. – Я твердо намерен продолжать наши встречи. Сегодня поговорю с мамой. Уверен, я заставлю ее одуматься.

«Отлично сработано», – поздравила себя Китти.

Именно так. Час спустя завершив прогулку, она пришла к заключению, что довольна тем, как прошел день. Но когда сестры вернулись на Уимпол-стрит, Сесили ни с того ни с сего решила высказаться.

– Тебе нравится мистер де Лейси? – спросила она Китти, которая развязывала ленты капора.

– Почему ты спрашиваешь? – отозвалась та, хмурясь.

Ох уж этот непослушный узел под подбородком!

– Я слышала, как он сказал, что для него не имеет значения, принц ты или нищий. Но для тебя ведь это не так!

Китти пожала плечами, на мгновение презрев строгие наставления тети Дороти о том, что столь неподобающие для леди жесты отныне и впредь недопустимы.

– Ну, конечно, я им восхищаюсь, – сказала она, заняв оборонительную позицию. – У него много качеств, заслуживающих обожания. Но если ты спрашиваешь, гонюсь ли я за его богатством, то ответ, естественно, да. А как ты думаешь, для чего еще мы здесь?

Сестра слегка растерялась.

– Наверное... – произнесла она прерывающимся голосом, – наверное, стоило бы поискать богатого человека, который к тому же тебе нравится.

– Это было бы очень мило, – язвительно ответила Китти, – если бы мы располагали всем временем на свете. Но у нас осталось лишь восемь недель до того дня, когда кредиторы появятся в Нетли. И на этот раз с пустыми руками они не уйдут.

6

Следующее утро выдалось ясным и солнечным. Исключительная погода для охоты за богатством, решила Китти. Однако столь благоприятно начавшийся день скоро помрачнел, ибо на встречу мистер де Лейси явился смущенным и робким, как ягненок.

– Боюсь, урезонить маму не удастся, – признался Арчи, как только они начали прогулку. – Я пытался с ней поговорить – ей-богу, пытался, – но она едва не впала в иступление, когда я попробовал передать слова вашего отца о важности внутреннего содержания.

У Китти упало сердце: она сообразила, как сильно могла исказиться суть идеи при пересказе.

– Мама написала о вас нашему брату, – внесла свою лепту леди Амелия, снова с ликующими интонациями – ее приводили в восторг поистине театральные увеселения, устроенные сестрами Тэлбот, без них месяц выдался бы совсем скучным.

– Что именно написала? – встревожилась Китти.

Последнее, чего ей хотелось бы, так это нападения со стороны еще одного де Лейси, оберегающего семью.

– Думаю, она просит, чтобы он сказал свое веское слово. Запретил бы мне с вами встречаться или что-то в этом роде, – беззаботно ответил Арчи. – Не о чем беспокоиться. Джеймс понимает, чего стоит ее пустая болтовня.

Даже если так, Китти решительно настроилась вывести Арчи из-под влияния матери, пока та еще сильнее не возжелала их разлучить. Но как это сделать?

– Мистер де Лейси, могу я задать вам вопрос? – обратилась она к Арчи, когда Сесили и леди Амелия ушли вперед. – Знаете, я еще не привыкла к лондонским обычаям. Тут принято, чтобы мужчина вашего возраста и положения жил в одном доме с матерью?

Мистера де Лейси этот вопрос застал врасплох.

– Все мои бывшие школьные товарищи так и живут, – признался он. – Джеймс, мой брат, впрочем, имеет собственные резиденции в городе, хотя семейный особняк теперь тоже принадлежит ему. Мама подумывала переехать и предлагала это Джеймсу, но он и слушать не пожелал. Поскольку он почти не бывает в Лондоне, то и домами пользуется редко.

– Понимаю, – задумчиво сказала Китти. – А он бы позволил вам поселиться в одном из них, если бы вам того захотелось? Должна признаться, будь я на вашем месте, мне бы понравилась та свобода, какую предоставляет самостоятельная жизнь.

– Что вы имеете в виду? – неуверенно спросил мистер де Лейси.

Мысль поселиться отдельно никогда его не посещала.

– Можно делать все, что захочется, какая бы фантазия ни взбрела в голову, – предположила Китти. – Приходить и уходить когда вздумается, и тому подобное.

– И мне не пришлось бы отвечать перед мамой и Пэттсоном, а то у них всегда есть что сказать по поводу моих занятий, – подхватил мистер де Лейси.

– Вы могли бы завтракать хоть вечером, – добавила Китти проказливо. – И не ложиться спать допоздна.

– Однако! – Арчи издал смешок, сочтя эту идею скандальной.

– Просто подумалось, – сказала она. – Могло бы получиться чудесно.

Китти надеялась, что этого достаточно, чтобы побудить юношу к действиям, но на следующий день обнаружила ошибочность своей тактики. Леди Амелия приветствовала их сообщением, что ей и брату повторно запретили видеться с девицами Тэлбот – распоряжение, которому они, судя по их жизнерадостному виду, повиноваться не собирались. Привлекательность общества ровесниц в пустующем Лондоне была слишком значительна, чтобы ею пренебречь.

– Мама чуть не лишилась чувств, когда Арчи сказал, что хочет жить отдельно, – сообщила леди Амелия. – Всю вину она возлагает на вас, мисс Тэлбот.

– Вздор! – отмахнулся мистер де Лейси. – Сплошной спектакль. Не думайте об этом ни секунды, мисс Тэлбот, она скоро образумится.

– А она не заметит, что вы ушли на встречу с нами, как обычно? – спросила Сесили.

– Ни в коем случае, – ответил мистер де Лейси. – У нее начался очередной обморочный приступ, или как там она их теперь называет. Прибыли два доктора, и мы ускользнули в суматохе.

– Что само по себе хорошо, – согласилась леди Амелия. – Я ни секунды больше не могла слушать про ее здоровье. Кроме того, – она продела руку под локоть Сесили, – наши встречи под покровом тайны – это так чарующе!

Сердце Китти сжалось. Завеса тайны не шла ей на пользу. Секретность означала скандал, а Китти прекрасно знала, чем заканчиваются скандалы. Такой жизни она для себя не хотела ни при каких обстоятельствах.

– Мистер де Лейси, я в смятении от того, что стала причиной стольких огорчений, – сказала она. – Мне досадно вызывать недовольство вашей матушки.

Арчи беспечно махнул рукой, полностью отменяя все заботы.

– Она образумится, не беспокойтесь, – сказал он небрежно. – Лучше послушайте, что мне написал Джерри, мой друг из Итона. Он должен приехать в город примерно через неделю. Дьявольская история...

Мистер де Лейси пустился в долгий и неинтересный рассказ о недавней эскапде Джерри, и хотя Китти смеялась в нужные моменты, мысли ее бродили далеко отсюда. Если мистер де Лейси мог идти по жизни с неунывающей самонадеянностью человека, уверенного, что в конечном итоге все сложится наилучшим для него образом, то Китти такой роскоши была лишена. Крайне сомнительно, что леди Рэдклифф изменит свое мнение, если ей в этом не помочь, поэтому необходимо было придумать способ понравиться вдовствующей графине. Но как?

– Очень грустно слышать, что ваша матушка нездорова, – произнесла она мягко, когда мистер де Лейси закончил свои излияния. – Мне бы хотелось что-нибудь для нее сделать.

– Не тревожьте этими мыслями свою головку, – откликнулся мистер де Лейси. – Доктора скажут, что она здорова, она им не поверит, в итоге ее вылечит какое-нибудь чудодейственное снадобье от повара леди Монтегю. А потом все начнется заново.

– Вот как, – задумчиво уронила Китти и через мгновение добавила: – Я когда-нибудь говорила вам, что питаю огромный интерес к медицине?

– Не говорили. По крайней мере, я не помню, – признался Арчи.

– Так вот, питаю. Знаете, мы в Дорсетшире уверенно обращаемся с растительными лекарствами, – солгала она. – Обмороки вашей матушки кое-что мне напоминают. Полагаю, миссис Палмер из нашего города страдала чем-то похожим, и я знаю рецепт эликсира, который ее вылечил. Не возражаете, если я напишу записку и порекомендую это средство?

Мистера де Лейси это предложение слегка озадачило, но все же он охотно кивнул. Когда они прибыли на Уимпол-стрит, Китти попросила кучера подождать, а сама стрелой умчалась в дом, чтобы взять лист писчей бумаги. Самым своим красивым почерком она быстро написала записку леди Рэдклифф, выбежала из дома и вручила ее мистеру де Лейси.

– Вы чрезвычайно добры, мисс Тэлбот, – сказал он, взирая на нее с восхищением.

Китти скромно его поблагодарила. Разумеется, руководила ею отнюдь не доброта, а рецепт был полностью выдуманным и совершенно безвредным. Ее опыт общения со здоровыми людьми, часто подверженными подобным хворям, подсказывал, что они высоко ценят сострадание и возможность обсудить с кем-то свои немощи. Она надеялась, что вследствие очевидного равнодушия к ее терзаниям со стороны как обоих детей, так и докторов леди Рэдк-

лифф испытывала острую нужду в сочувственном внимании. Китти понимала, что это выстрел вслепую, но ничего другого придумать не смогла.

На следующее утро в доме на Уимпол-стрит царило уныние. Все чувствовали себя усталыми: тетя Дороти после затянувшейся ночной игры в вист со старой подругой миссис Эбдон, Китти – от тревожений последних дней, Сесили... Право, сложно сказать, что обычно утомляет Сесили. Холодный ветер, пришедший с запада, унес весеннюю благодать. Обитательницы дома хмуро смотрели в окно. Плохая погода действовала на них удручающе, как на всех британцев. Впрочем, будь они в Биддингтоне, столь незначительное похолодание не удержало бы их в четырех стенах на весь день. Китти не сомневалась, что, невзирая на погоду, сестры шагали сейчас в город, – хотя и не знала достоверно, чем они заняты, поскольку еще не получила от них ответного письма. Они договорились писать не часто, ибо оплата почтовых услуг была расточительностью, которую они едва могли себе позволить. И все же Китти с тоской ждала весточки от них.

– Не поможешь Салли накрыть завтрак, моя дорогая? – попросила тетя Дороти.

Но прежде, чем Китти успела ответить, открылась дверь, и вошла служанка, неся письмо, а не обычный поднос с завтраком.

– Это вам, мисс, – сказала она, протягивая письмо Китти. – Мальчик, который его принес, сказал, что оно от вдовствующей леди Рэдклифф.

Недоверие в ее голосе ясно давало понять, что она считает это ложью.

Китти сломала печать. Короткое послание было выведено изящным почерком на плотной бумаге кремового цвета.

Дорогая мисс Тэлбот,

благодарю вас за великодушную записку. Предложенный вами рецепт показал себя чрезвычайно действенным – я приняла лекарство вчера, и симптомы совершенно исчезли. Если вы окажетесь столь добры, что навестите меня завтра, я бы хотела выразить вам свою благодарность лично. Я буду дома в промежутке от двух до четырех часов.

Ваша

леди Хелена Рэдклифф

Китти улыбнулась.

7

Седьмой граф Рэдклифф мирно сидел в комнате для завтрака в своем загородном доме, наслаждался утренней трапезой и просматривал почту. До лондонского сезона оставалось две недели, и Рэдклифф был не единственным, кто проводил это время вдали от суетного города, – большинство представителей высшего света спешили воспользоваться той же возможностью. Однако он не был женат и последние два года старательно избегал столицы. После смерти отца, унаследовав графский титул, лорд Рэдклифф предпочел родовое гнездо в Девоншире Лондону с его алчными толпами. Тем не менее в свежайшей белой рубашке, безупречно повязанном шейном платке и сверкающих черных ботфортах он с головы до пят выглядел искушенным лондонским джентльменом. Единственной уступкой месту пребывания был художественный беспорядок в его темных кудрях.

– Есть что-то требующее внимания, Джейми? – спросил капитан Гарри Хинсли, некогда служивший в седьмой кавалерийской бригаде.

Сейчас он удобно расположился на кушетке.

– Только деловая корреспонденция, Хинсли, – ответил Рэдклифф. – И письмо от матери. Капитан издал короткий смешок:

– Третье за эту неделю. Она нездорова?

– Как обычно, – отсутствующе пробормотал Рэдклифф, пробегая глазами страницу.

Хинсли приподнялся на локтях, внимательно глядя на друга.

– Люмбаго? Оспа? – предположил он с улыбкой. – Или она по-прежнему воюет с бесстыдницей, которая околдовала Арчи?

– Последнее, причем упомянутая юная леди поднялась на следующую ступень – от бесстыдницы к гарпии.

– Джеймс! Пощади мою стыдливость. – Хинсли прижал руку к сердцу. – Что сделала эта бедная девушка, чтобы заслужить подобную хулу?

Рэдклифф начал читать вслух:

– «Мой дорогой Джеймс, умоляю вас, немедленно приезжайте в Лондон. Наш дорогой Арчи, мой драгоценный сын и ваш младший брат (она думает, я забыл, кто такой Арчи?), – на краю гибели. Каждое мгновение бодрствования он проводит в обществе гарпии, которая цепко держит его в своих когтях. Я боюсь, что вскоре может оказаться слишком поздно».

Финал этих излияний Рэдклифф процитировал столь зловещим тоном обреченного страдальца, что Хинсли громко рассмеялся.

– Девица покушается на его добродетель? Повезло мальчишке. И ты отправишься его спасать?

– Пожалуй, именно этого от меня и ждут, – с иронией откликнулся Рэдклифф, дочитывая письмо. – Могу представить, в какое щекотливое положение поставит брата мое вмешательство в его тайную интрижку.

– Неприемлемый поступок по отношению к члену семьи, – незамедлительно согласился Хинсли и помолчал, размышляя. – Думаешь, в этом что-то есть? Арчи получит отменный куш по достижении совершеннолетия, возможно, девица на него и позарилась.

Рэдклифф послал ему недоверчивый взгляд.

– Et tu⁵, Гарри? Дружище, имей хоть толику веры. Арчи всего лишь мальчишка, и это не более чем одно из его юношеских увлечений. Я получаю аналогичные письма каждый год. Если бы у него возникла серьезная привязанность, я услышал бы это от самого Арчи, а не от нашей матери.

⁵ И ты (лат.). Отсылка к крылатому выражению «И ты, Брут?».

Он неодобрительно помахал письмом в сторону Хинсли, однако тот лукаво ухмыльнулся.

– Значит, ты полагаешь, что мальчик по-прежнему тебя боготворит? Хотя ты уже два года как прячешься в деревне? Я бы сказал, едва ли достаиваешь его взглядом, так старательно избегая родственников.

– Я их не избегаю, – холодно откликнулся Рэдклифф. – Моя мать более чем в состоянии управлять семьей. Она не нуждается в моей помощи.

Он нахмурился, сам услышав, как слабовольно это прозвучало.

– Но теперь она просит о помощи, не так ли? – Хинсли смотрел на друга с не свойственной ему серьезностью. – Тебе же известно, Джеймс, что рано или поздно придется стать настоящим лордом. Ты не можешь прятаться здесь вечно.

Рэдклифф притворился, что не расслышал. Он знал: Хинсли желает ему добра, знал, что сражавшийся с ним бок о бок на континенте Гарри, возможно, даже понимает чувства, так упорно мешающие ему примерить мантию, которую следовало бы по-прежнему носить его отцу. Они были свидетелями одних и тех же страшных сцен, но Хинсли, служивший в армии Веллингтона значительно дольше Рэдклиффа, похоже, нашел в себе силы изгнать эти образы из памяти. Вместе со всей страной он полагал, что война окончена, однако Рэдклифф воспринимал все иначе. Здесь, в Рэдклифф-холле, ему было проще: управляй поместьем, беседуй с арендаторами, выполняй свой долг. Это он мог принять. Но вернуться в Лондон графом, занять место отца в Палате лордов, сопровождать родственников на балы в безвкусно декорированных залах, как будто ничего не произошло? Нет. Этого он сделать не мог. Да и не было необходимости.

– Благодарю за заботу, дорогой друг, – произнес он после недолгого молчания, стараясь говорить мягко и ровно. – Но повторяюсь, если бы Арчи испытывал к этой девушке истинную привязанность, он бы мне написал.

Дворецкий Бивертон кашлянул и вежливо заметил:

– Насколько мне известно, милорд, в этой стопке есть и письмо от мистера Арчибальда. Хинсли рассмеялся.

– О нет! – возликовал он. – Решил признаться, что влюблен?

Рэдклифф, нахмурившись, перебрал стопку писем, пока не нашел надписанное почерком брата.

– Да, – сказал он, быстро пробегая взглядом страницу. – Так и есть. И он думает, что хотел бы жениться на этой девушке.

– Боже правый! – Хинсли встал и подошел к Рэдклиффу со спины, чтобы прочитать эти откровения самому.

Рэдклифф раздраженно перевернул письмо, сложил его, осушил чашку с кофе и поднялся из-за стола.

– Как такое могло произойти всего за несколько недель? – изумился Хинсли, подливая себе кофе.

– Действительно, как? – негодуя откликнулся Джеймс. – Боюсь, Гарри, нам придется раньше времени прервать твой визит. Выходит, что мое присутствие в Лондоне все-таки необходимо.

Лорд Рэдклифф с некоторым трепетом вошел в фамильную резиденцию де Лейси на Гроувенор-сквер и обнаружил, что дом погружен почти в полную темноту и похоронную тишину. Шторы на всех окнах были задернуты. Как обычно, его встретил Пэттсон, управлявший домом с тех пор, как Рэдклифф себя помнил, и служивший ему такой же опорой в детстве, как и родители. Рэдклифф сжал руку старика в твердом приветствии. На лице дворецкого явственно отразилось облегчение.

– Что на сей раз, Пэттсон? – с опаской спросил граф.

– Мигрень, милорд, полагаю, так называется этот недуг, – тихо ответил Пэттсон, едва шевеля губами.

– О боже, французское слово? Где она его услышала?

Иностранные болезни были хуже всего.

– Насколько мне известно, – осторожно ответил Пэттсон, – диагноз поставила леди Джерси, страдающая тем же недугом.

– Понятно. И он... серьезен? – с сомнением спросил лорд Рэдклифф.

Опыт подсказывал ему, что к жалобам матери следует прислушаться. Излишне легкомысленная реакция могла стать причиной нешуточной обиды.

– В нижних слоях общества, полагаю, он традиционно известен как головная боль, – последовал деликатный ответ. – Недомогание началось довольно быстро, в сущности, сразу после визита леди Джерси.

Лицо Пэттсона оставалось совершенно бесстрастным. Рэдклифф подавил улыбку и тихо вошел в гостиную. Здесь было еще темнее, и ему потребовалось несколько минут, чтобы разглядеть фигуру матери, лежавшей на кушетке в позе крайнего утомления.

– Доброе утро, матушка, – произнес он едва слышно, подражая Пэттсону.

Вдовствующая графиня проворно села:

– Джеймс?! Это вы? О, как чудесно!

Она энергично поднялась с кушетки.

– Я ничего не вижу! – возмущенно заявила леди Рэдклифф и позвала: – Пэттсон! Пэттсон! Я ничего не вижу, пожалуйста, раздвиньте шторы, здесь сушая покойница.

В своем негодовании она, казалось, не вспомнила, что сама отдала такое распоряжение, однако Пэттсон не проронил ни слова, лишь несколькими расторопными движениями раздвинул шторы, залив комнату светом. Леди Рэдклифф была в дезабилье – простом сером капоте, а волосы уложены в свободную прическу. Она легко засеменила навстречу старшему сыну и, протянув руки, приняла его в сердечные объятия.

– Джеймс, мой дорогой, как чудесно снова вас видеть!

Взяв сына за руки, она отступила назад, с упоением вглядываясь в него.

– А мне – вас, – тепло улыбнулся он, сжимая ее пальцы. – Как вы себя чувствуете? Я слышал от Пэттсона, что вам изрядно нездоровится.

– Ах, вздор! – живо отмахнулась она.

Лицо Пэттсона, стоявшего за ее спиной, выразило умеренную обиду.

– Как вы знаете, мое нездоровье никогда не длится долго.

Верно. Подчас немощи леди Рэдклифф исчезали точно к началу светских событий, которые она предвкушала с особым нетерпением, – исчезали настолько стремительно, что это граничило с чудом.

– Но почему вы здесь, Джеймс? Я думала, вы твердо намерены не покидать Рэдклифф-холл в обозримом будущем.

Он приподнял брови.

– Так и есть... Но ваши письма произвели на меня сильное впечатление. Вы должны рассказать мне все о мисс Тэлбот и Арчи.

Если он ожидал наглядной демонстрации настроений из ее трагического письма, то его постигло разочарование.

– Ох, Джеймс, прошу вас, ни слова больше! – воскликнула она, прижимая ладони к щекам в напускном добродушном смущении. – Я знаю, что выставила себя сущей гусыней!

– Гусыней... – повторил Рэдклифф.

Он преодолел большое расстояние за краткий срок, что привело его в легкое раздражение, однако со всей определенностью положительно повлияло на исход дела.

– Да, вынуждена признать, я считала мисс Тэлбот охотницей за состоянием, причем весьма не подходящей для Арчи, но нам совершенно не о чем беспокоиться.

– Какое облегчение! – сказал он, размышляя, скоро ли можно будет отправиться обратно в Девоншир.

– Знаю-знаю. Не могу поверить, что судила о ней настолько превратно. Она чудеснейшее создание.

– Хм-м-м, – отсутствующе протянул он.

Его лошадям необходим был отдых, что затянет отъезд... но потом он уловил смысл произнесенного графиней.

– Мама... вы хотите сказать, что Арчи и эта мисс Тэлбот по-прежнему видятся?

– Разумеется! Она и ее сестра теперь довольно частые гости в нашем доме. Мисс Сесили училась вместе с Амелией в Батском пансионе. И они близко знакомы с Линфилдами из Дорсетшира. Признаю, я полностью заблуждалась на их счет... вы знаете, как я беспокоюсь о своих детях и боюсь, что из-за нашего богатства они могут пасть жертвами плохих людей.

Рэдклифф знал. В письмах матушка использовала убийственное выражение – «бесстыдная шельма».

– Я сильно ошибалась, на самом деле мисс Тэлбот – добрейшая юная леди. Право, она проявила величайшую заботу, когда у меня на прошлой неделе начались обмороки, и полностью их излечила с помощью снадобья из Дорсетшира.

– Вот как? – задумчиво пробормотал Джеймс, откидываясь на спинку стула.

– Да, и я убеждена, что отношение человека к страданиям других людей проливает яркий свет на его натуру, согласитесь?

– Я нахожу, что полностью с вами согласен. Это проливает свет на многое, – ответил он.

Его голос звучал ровно, но что-то в нем насторожило леди Рэдклифф, ибо продолжила она уже слегка встревоженно:

– Несомненно, я бы предпочла, чтобы Арчи обзаводился более влиятельными друзьями. Но думаю, в случае, если их взаимная привязанность докажет свою долговечность, он обретет счастье. И меня как его мать это заботит превыше всего.

Сама она вышла замуж по соглашению, родители выдали ее за человека значительно старше. Рэдклифф готов был ей поверить, не мог огульно отвергнуть важность счастья. Но...

– Мне казалось, мы договорились, что как Арчи, так и Амелия еще слишком молоды, чтобы вступать в длительные отношения? – заметил он мягко.

– Договорились, – признала леди Рэдклифф. – И они действительно молоды. Но я не вижу опасности в том, чтобы позволить им продолжить это знакомство. Ставлю один к десяти, они его перерастут. Так почему бы не насладиться обществом друг друга еще немного? Право, у них общие интересы!

Граф снова хмыкнул.

– Джеймс, прошу, не будьте таким неуступчивым, – укоризненно сказала матушка. – Если у вас есть время, задержитесь ненадолго, я ожидаю их с минуты на минуту. Сестры Тэлбот прекрасно влияют на Арчи и Амелию, приглашая их на ежедневные прогулки. Амелия давно не проводила так много времени на свежем воздухе, а он, разумеется, очень полезен для здоровья. Я уверена, познакомившись с мисс Тэлбот, вы придете от нее в восторг, – ободряюще добавила леди Рэдклифф. – Как все мы, даже Дотти.

– Я с удовольствием с ней встречусь, – сказал он учтиво, однако внутри пламя подозрений разгорелось ярче.

Пусть Дотти и проявляла огромную проницательность в оценке людей, пусть, по всеобщему признанию, произвести на нее впечатление было очень непросто, но ведь Дотти – всего лишь кошка.

8

Следуя за мистером де Лейси и леди Амелией, мисс Китти Тэлбот поднималась по ступенькам их величественного дома на Гроувенор-сквер, весьма довольная собой. В этом настроении она пребывала почти неизменно всю неделю, завоевав привязанность и вдовствующей графини, и ее сына. Забота и исключительное сочувствие, проявленные Китти, безоговорочно очаровали леди Рэдклифф. С тех пор как снадобье из Дорсетшира (восстанавливающий эликсир, как назвала его Китти, представлял собой воду, приправленную цветками бузины и побегами тимьяна) вылечило леди от обмороков, она почитала Китти за ангела.

По расчетам Китти (основанным на теплоте в голосе мистера де Лейси при обращении к ней, длительности восхищенных взглядов, рвении, с которым он умолял о следующей встрече), неминуемой помолвки следовало ожидать не позже чем через неделю. Она как раз размышляла об успехе своих начинаний, когда на входе в гостиную вздрогнула, пораженная восклицанием: «Джеймс!» – раздавшимся сбоку от нее. Мистер де Лейси и Амелия бросились навстречу высокому человеку, поднимающемуся со стула, а Китти замерла в дверях, хлопая ресницами. Она пришла в немалое смятение. Судя по приветствию и имени, незнакомец мог быть только лордом Рэдклиффом, но ей не единожды давали понять, что этот джентльмен появлялся в Лондоне нечасто.

Младшие де Лейси набросились на брата, словно восторженные щенки. Исходя из того, насколько редко лорд Рэдклифф входил в соприкосновение с родственниками, Китти предположила, что он не испытывает к ним большой любви. Но сейчас она уверенно отметила обратное: теплоту во взгляде, обращенном на Арчи, который слишком долго тряс его руку; терпение, с каким он, склонив голову, улыбнулся Амелии, когда та потянула его за локоть. Пока лорд Рэдклифф здоровался с братом и сестрой, Китти представилась возможность свободно его рассмотреть, чему она была рада. Рэдклифф держался с непринужденностью уверенного в себе человека, был высок, строен – последнее предполагало спортивный образ жизни – и бесспорно хорош собой: темные волосы, добрые серые глаза. Только все это не расположило к нему Китти. По ее опыту, чем привлекательнее мужчина, тем менее сильным характером он обладает, а это важно понимать, прежде чем добавлять в общую картину богатство и титул. Китти медленно двинулась вперед, чтобы сделать реверанс леди Рэдклифф. Сесили последовала за ней.

– Надеюсь, мы не помешали, миледи, – сказала Китти. – Я не знала, что вас навестил лорд Рэдклифф.

– Нет, моя дорогая, разумеется, вы не помешали, – откликнулась графиня, жестом приглашая их приблизиться. – Джеймс, Джеймс, с удовольствием представляю вам обеих мисс Тэлбот, наших дорогих новых друзей.

– Мисс Тэлбот, мисс Сесили, – приветствовал их Рэдклифф, отвечивая поклон, пока они делали реверанс.

Выпрямившись, Китти впервые встретила с ним взглядом. Неужели мгновением раньше его глаза показались ей добрыми? Наверное, то была игра света, потому что сейчас Рэдклифф смотрел холодно и оценивающе. На короткое пугающее мгновение Китти почудилось, что ее видят насквозь. Словно этот человек знал обо всех постыдных действиях и мыслях, которые она себе когда-либо позволила, и приговорил ее за все. У нее перехватило дыхание, и она обнаружила, что краска смущения ей не чужда, пусть раньше она и предполагала обратное. Рэдклифф отвернулся, момент миновал, и Китти вновь овладела собой.

Все расселись в гостиной, Пэттсон принес угощение. Принимая тарелку с куском пирога, Китти прошептала слова благодарности.

– Мисс Тэлбот, – обратился к ней Рэдклифф, когда она положила в рот первый кусочек. – Вы должны рассказать, как познакомились с моей семьей. Арчи в письме упомянул некую... туфельку, это так?

– О боже! – Китти опустила глаза в хорошо просчитанном замешательстве. – Да, я благодарна леди Амелии и мистеру де Лейси за то, что они пришли нам на помощь в тот день, когда я попала в неловкое положение. Однако чудесно, что оно стало причиной воссоединения двух любящих подруг.

Она улыбнулась Сесили, но та не потрудилась добавить ни слова. Как же с ней нелегко! Впрочем, мистер де Лейси глазел на Китти с обожанием, являя собой лужицу растопленного масла, и она постаралась почерпнуть из этого уверенность в себе.

– Да, удивительное – даже загадочное – совпадение, – согласился лорд Рэдклифф, и, хотя говорил он учтивым тоном, в Китти снова всколыхнулось беспокойство.

– Полагаю, мне очень повезло, – сказала она и повернулась к леди Рэдклифф в надежде прекратить эти расспросы. – Я слышала, погода улучшится, мэм. Надеюсь, мы можем ожидать снижения влажности, которая, несомненно, стала причиной ваших страшных мигреней.

– Я тоже надеюсь, моя дорогая, – откликнулась леди Рэдклифф с нотками фатализма в голосе. – Хотя я, например, не жду улучшений. – Она повернулась к сыну. – В добром ли состоянии пребывал Рэдклифф-холл, когда вы уезжали?

– Да, очень, – ответил тот незамедлительно.

– Мистер де Лейси говорит, что Рэдклифф-холл прекрасен, – вкрадчиво заметила Китти, улыбаясь Рэдклиффу. – Я бы с удовольствием послушала о нем побольше, милорд.

– Боюсь, большинство присутствующих сочтут мое описание довольно скучным, – с прохладцей отозвался Рэдклифф. – Лучше расскажите о вашем семейном гнезде – кажется, Нетли?

Улыбка Китти стала натянутой.

– Всенепременно, однако называть наше место жительства семейным гнездом – это слишком великодушно.

– Вот как? Основываясь на рассказах Арчи, я представил себе обширные владения.

Китти потребовалось почти все ее самообладание, чтобы не послать в сторону Арчи обвиняющий взгляд.

Сообразив, что допустил оплошность, тот поторопился вмешаться:

– Нет-нет, Джеймс, я сказал, местность впечатляющая, но имел в виду скорее красоту, чем размеры.

Весьма довольный тем, как построил фразу, он просиял и взглянул на Китти в поисках одобрения. Она снова улыбнулась, показывая, что это описание не вызвало у нее возражений. Но неужели Арчи так сложно не прибегать к бессмысленным преувеличениям, препятствуя тем самым ее начинаниям? Неужели она ждет от него слишком многого? Теперь все выглядит так, словно она намеренно ввела де Лейси в заблуждение. Ах, как досадно!

– Не могу утверждать с уверенностью, – запротестовала Китти. – В любом случае мы так думаем.

Она снова попыталась втянуть Сесили в разговор, попросив ее взглядом добавить хоть слово, но та с отсутствующим видом смотрела в пространство.

«Пожалуй, нам повезло, что бестолковость не считается для женщины грехом», – подумала Китти.

– Не сомневаюсь, – спокойно сказал Рэдклифф. – Это в западной части страны?

Что-то в его тоне насторожило Китти, но промолчать не представлялось возможным.

– В Дорсетшире, – подтвердила она. – На западе Дорсетшира.

– Мне бы очень хотелось там побывать! – восторженно заключил Арчи.

Его искреннее воодушевление несколько смягчило Китти по отношению к нему.

– Когда только пожелаете, – пообещала она опрометчиво.
Он просиял.

Наскучив интересом старшего брата к мисс Тэлбот, мистер де Лейси и леди Амелия взяли беседу в свои руки. Китти, со своей стороны, воспользовалась этим, чтобы возобновить старания заслужить доверие семейства, внимательно слушая, щедро раздавая залихватский смех и выражения интереса во всех подходящих случаях. К тому моменту, когда гости собрались уходить, леди Амелия и мистер де Лейси пребывали в приподнятом настроении благодаря опьяняющему сочетанию льстивых замечаний Китти и безраздельного внимания брата. Китти решила, что успешно преодолела неожиданное испытание, возникшее перед ней сегодня. Отныне все, что от нее требуется, – показать Рэдклиффу, как ослепительно счастлив Арчи в ее присутствии. Ей-богу, если мать не возражает, с чего бы противиться старшему брату?

Они попрощались, мистер де Лейси клятвенно пообещал встретиться завтра утром, а Китти напоследок присела в реверансе перед Рэдклиффом. И во второй раз за этот день уловила в его взгляде уже знакомое выражение, уязвившее ее до глубины души и явственно говорившее, что ей здесь не место. Испытывая смутное беспокойство, она уселась в коляску де Лейси (леди Рэдклифф приказала ее подготовить, как только узнала, что мисс Тэлбот намерены идти домой пешком). Почему он смотрел на нее с таким пренебрежением, ведь она заслужила одобрение остальных членов семьи? Что, ради всего святого, она сделала, чтобы вызвать такое отношение? Она пребывала в неуверенности, и ей это не нравилось.

В отличие от нее, Рэдклифф, покидая несколько часов спустя семейный дом и отправляясь в свой собственный на Сент-Джеймс-плейс, был совершенно уверен в трех фактах. Первый – мисс Тэлбот околдовала младшего брата и все семейство, это опасно. Второй – мисс Тэлбот ни в малейшей степени не испытывает романтической привязанности к Арчи, интересуясь только его богатством. И третий – именно он, Джеймс Рэдклифф, в ответе за то, чтобы пресечь эту интригу.

9

Китти с таким громким стуком припечатала записку к столу, что ее сестра и тетя Дороти вздрогнули.

– Де Лейси отменили сегодняшнюю прогулку, – с негодованием пояснила она. – Мистер де Лейси проведет день с Рэдклиффом, а леди Рэдклифф и леди Амелия вместе с дочерьми леди Монтегю пойдут осматривать мраморы Элгина⁶.

– Вполне естественно, что Рэдклифф хочет побыть с братом, разве нет? – беспечно заметила Сесили. – И я сама бы не прочь взглянуть на мраморы Элгина.

К вящему разочарованию Сесили, до сего момента поиски мужа не оставляли времени на осмотр достопримечательностей.

– Отменить прогулку дважды за эту неделю? – возмутилась Китти. – Это неестественно! Это преднамеренно. Рэдклифф пытается нас разлучить.

Сесили пришла в недоумение, не уловив логику сестры.

– А я тебя предупреждала, – пропела тетя Дороти, пряча лицо за последним номером модного журнала «*La Belle Assemblée*». – Может, вам и удалось одурачить леди, но лорд Рэдклифф, кажется, тебя раскусил. Еще не поздно попробовать с мистером Пирсом.

Китти неожиданно встала.

– Возьми шляпку, Сеси, и позови Салли – мы идем на прогулку.

– Сейчас? – жалобно воззвала Сесили к спине убегающей сестры. – Куда?

– Ты хочешь посмотреть на эти мраморы или нет? – бросила Китти через плечо.

Вечером, в мягком пурпурном свете заката, Арчи возвращался на Гроувенор-сквер, пребывая в прекрасном расположении духа. Дважды за эту неделю Рэдклифф водил его в клуб «Уайтс», священный порог которого Арчи и не надеялся преступить раньше, чем ему исполнится тридцать, – по его мнению, в весьма преклонном, предсмертном возрасте. Клуб привел его еще в большее восхищение, чем он когда-либо предполагал: темные комнаты, приглушенный гул мужских разговоров, струйки сигарного дыма. Сногшибательно. Его одолевал такой восторг, что не в силах сдержаться он ход за ходом описывал Рэдклиффу финальную партию виста, хотя брат во время игры сидел за тем же столом.

– Ты видел его лицо, когда я выложил карты? – спросил Арчи, захлебываясь от избытка чувств.

– Да, – терпеливо ответил Рэдклифф. – Ему это определенно не пришлось по вкусу.

– Чуть не зарыдал! – ликуя похвалился Арчи. – Вот это был удар!

Рэдклиффу события этого дня доставили несколько меньшее удовольствие. Будучи молодым, он проводил много времени в «Уайтсе» и подобных заведениях, но уже давно утратил желание туда возвращаться. Однако сегодняшнее посещение оказалось полезным, это неоспоримо. Пусть Арчи со своим подробным отчетом вогнал брата в непомерную скуку, зато с самого утра не проронил ни слова о мисс Тэлбот. Вчера Арчи часами воспевал эту девицу, живописал, как благоговееет перед ней, перечислял ее нескончаемые добродетели и признавался, что, возможно, даже хотел бы на ней жениться. Рэдклиффу было приятно видеть, что лечебное средство в виде легкой карточной игры предсказуемо возымело отвлекающее действие. Еще немного в том же духе – и угроза мисс Тэлбот уйдет в далекое прошлое.

⁶ Мраморы Элгина – коллекция древнегреческих статуй и рельефов, привезенных в Англию в начале XIX века лордом Элгином, хранится в Британском музее.

Когда они добрались до Гроувенор-сквер, Джеймс почувствовал облегчение, предвкушая, как сдаст Арчи с рук на руки матери и удалится в относительный покой своего обиталища на Сент-Джеймс-плейс.

– Пэттсон, мои мать и сестра дома? – спросил Арчи, устремляясь в гостиную. – Я просто обязан рассказать им, как прошла игра.

Предчувствуя, что, если он останется, ему придется выслушать разглагольствования Арчи еще раз, Рэдклифф собрался попрощаться (мысленно представляя огонь в камине и благословенную тишь своего кабинета), когда Пэттсон ответил:

– Они в гостиной с обеими мисс Тэлбот, милорд, угощаются.

– Мисс Тэлбот здесь? – Арчи вспыхнул, как свечка. – Великолепно! Джеймс, ты идешь?

– Да, пожалуй, иду.

Рэдклифф спокойно проследовал за братом в гостиную.

– Мои дорогие! – приветствовала их вдовствующая графиня. – Восхитительно, вы так вовремя!

– Какое удачное стечение обстоятельств, – сказал Рэдклифф, кланяясь дамам, – мы застали всех вас здесь. Подстерегаете добычу?

– Вы так говорите, словно мы какие-то злодейки, – весело заметила мисс Тэлбот.

Арчи откликнулся на эту остроту радостным смешком, но Рэдклифф остался серьезен.

– Присоединяйтесь к нам, – велела леди Рэдклифф. – Джеймс, мраморы великолепны, как вы и говорили. И мы были очень рады встретить там обеих мисс Тэлбот!

– Какое приятное... совпадение. – Рэдклифф остановил взгляд на старшей мисс Тэлбот. Она вскинула подбородок.

– Ей-богу, удивительное, – вмешался Арчи, совершенно забывший, что именно он утром уведомил мисс Тэлбот о намерениях матери и сестры.

Присутствие мисс Тэлбот положительно вскружило ему голову, украшая и без того превосходный день. Вспомнив о хороших манерах, он так низко поклонился гостям, словно они были герцогинями, а не – как начал отдавать себе отчет Рэдклифф – гнусными прилипалами. Мужчины сели, Арчи предсказуемо устроился рядом с возлюбленной, явно изготавившись ее развлекать.

– Мисс Тэлбот, мы так давно не виделись, – провозгласил он.

Внезапно осознав, что виноват в этом сам, Арчи, заикаясь, пустился в извинения по поводу отмены прогулок.

– Видите ли, я ходил в «Уайтс», – пояснил он пылко, с искренним восторгом юнца. – Чудеснейшее место!

Не устаивая вниманием излияния Арчи, Рэдклифф изучающе уставился на мисс Тэлбот. Положим, на злодейку она не походила, но ведь именно таков путь дьявола. Как волк в овечьей шкуре, она скрывала свою истинную сущность за обычной для юной леди наружностью: воздушными юбками и перышками локонов, призванными создать впечатление чрезвычайной хрупкости. Следует признать, свою личину она носила как влитую. Однако Рэдклифф ощутил в этой девице огромную жизненную силу, даже стойкость, полностью противоречащие модному образу изящной впечатлительности. Едва ли мисс Тэлбот способна в любой момент лишиться чувств, как диктовала мода.

Судя по неприкрытому обожанию, светящемуся в глазах Арчи, – он живо напомнил Рэдклиффу собачку, ждущую лакомства, – младший брат ничего этого не замечал. Неделikatно и даже неучтиво Арчи обходил вниманием мисс Сесили, пока та описывала мраморы. Рэдклифф не обвинял его в этом, поскольку рассказ был очень нудным. В итоге именно старшая мисс Тэлбот спасла его от скуки – но отнюдь не из добродетельных побуждений.

– Миледи, – начала она, – я должна рассказать вам о занятнейшей книге, которую читала сегодня утром. В ней содержатся подробные рассуждения об исцеляющем воздействии физи-

ческих упражнений. Леди Амелия говорит, что вы опытная наездница, и я убеждена – прогулки верхом помогли бы вам избавиться от настигшего вас недуга.

– Первоклассная идея! – немедленно откликнулся Арчи, прежде чем его мать успела ответить. – Мама, давайте все прокатимся завтра!

– Я не уверена, – усомнилась леди Рэдклифф. – Вы, молодые, ездите с таким задором, а я и без того испытываю крайнее утомление.

– Ах, – вздохнула мисс Тэлбот, потупив очи долу, – как жаль, что у меня в городе нет лошади, иначе я была бы счастлива составить вам компанию, леди Рэдклифф. Мы шли бы удобным для вас аллюром.

– Право, почему бы вам не воспользоваться нашей конюшней? – вмешалась леди Амелия, ужаснувшись при мысли о том, что кто-то может быть лишен возможности прокатиться верхом, когда только пожелает.

– Да, верно! Давайте все поедем! – провозгласил Арчи. – Устроим прогулку, прокатимся до Уимблдона! Завтра! Мисс Тэлбот, вы можете взять Перегрин.

Китти испустила театральный вздох и прижала руку к сердцу.

– Ах, не дразните меня! – взмолилась она в напускном страдании и с милой почтительностью обратилась к леди Рэдклифф: – Мы не станем для вас обузой?

Но ответил ей лорд Рэдклифф.

– Ни в коем случае, – произнес он ровно. – Я даже готов вас сопровождать.

– Превосходно! – обрадовался Арчи.

– Да... очаровательно, – согласилась мисс Тэлбот.

Рэдклиффу показалось, что она скрипнула зубами, и он подавил желание ухмыльнуться.

Дальнейший разговор перехватили Арчи и Амелия, которые принялись в радостном возбуждении планировать экспедицию, не догадываясь, что ими управляют, как обычными марионетками. Рэдклифф выставил себя глупцом, раньше времени предположив, что избавился от затруднения. Большим глупцом.

После принятого решения девицы Тэлбот не задержались надолго.

«Да и с чего бы им задерживаться, – мрачно подумал Рэдклифф, – они достигли цели своего визита».

Хозяева и гости обменялись веселыми прощаниями, очаровательными реверансами и горячими обещаниями встретиться рано утром, чтобы отправиться на поиски приключений.

В свой дом, отстоящий от Гроувенор-сквер всего на несколько кварталов, лорд Рэдклифф вернулся задумчивым и с приятным удивлением обнаружил там капитана Хинсли. Он расположился в кабинете и щедро угощался самым дорогим хозяйским бренди.

– Итак, Джеймс, – спросил он нетерпеливо, – ты уже от нее избавился?

– Нет, – с сожалением ответил Рэдклифф, тоже наливая себе бренди. – Она действительно настойчива и опасна, как предупреждала в письмах моя мать. Впрочем, мама уже об этом забыла. Мисс Тэлбот вьет из них веревки. Одному богу известно, что бы она сотворила с добрым именем нашей семьи, не вмешайся я вовремя. К счастью, до начала сезона остается не больше недели, а там уж Арчи отвлечется на полчища молодых женщин, готовых его прельстить. Все, что от меня требуется, – помешать ему сделать ей предложение в ближайшие семь дней. Ради его же блага.

Воззрившись на него, Хинсли широко улыбнулся.

– Ты только посмотри на себя! – помолчав, сказал он почти с гордостью. – Заговорил как твой отец.

Рэдклифф взглянул на него с некоторым отвращением.

– Что ты себе позволяешь? – откликнулся он. – Совершенно не так.

– Так, так, – настойчиво возразил его друг. – Все эти речи о добром имени семьи и о благе Арчи. Ведь ты не станешь отрицать, что точно такие же слова старик произнес в твой адрес, отправляя тебя на континент секретарствовать при Веллингтоне.

Рэдклифф метнул оскорбленный взгляд.

– Тебе прекрасно известно, что там я занимался совсем не этим, – отрезал он.

– Да, и слава богу. Старина Бонапарт сбежал с Эльбы, иначе ты бы умер со скуки в Вене, – поддразнил Хинсли с непочтительной ухмылкой.

– Вот только я не собираюсь высылать Арчи в чужую страну из опасений, что он станет злоупотреблять алкоголем и картами, – сказал Рэдклифф и, не удостоив ответом последнее замечание Хинсли, вернулся к исходной теме. – Я постараюсь проследить, чтобы он не пал жертвой мисс Тэлбот.

Он задумчиво отхлебнул бренди и добавил:

– При этом ты не так уж и неправ. Возможно, я не соглашался с отцом по большинству вопросов – дьявол, да я ненавидел его почти всю жизнь, – но он знал, и я знаю, что члены нашей семьи должны защищать друг друга от подобных гадюк. Именно этим я и намерен заняться.

– Ты не хочешь, чтобы он женился на мисс Никто, – понимающе сказал Хинсли.

– Я не хочу, чтобы он женился на девице, которую он сам не заботит ни на йоту, – поправил его Рэдклифф. – Помяни мое слово, через месяц мы не вспомним и ее имени.

10

На следующее утро к моменту приезда лорда Рэдклиффа на Гроувенор-сквер Китти и Сесили уже устроились в седлах. Китти предоставили кобылу, которую обычно приберегали для леди Рэдклифф, – удивительно, но графиня показывала себя прекрасной наездницей, когда поддавалась на уговоры немного встряхнуться. Гнедая была очень красива (лошадей красивее Китти прежде не видела) и чрезвычайно деликатна, что вполне устраивало всадницу, поскольку она уже довольно давно не ездила верхом, – потеряв мистера Линфилда, она утратила и возможность пользоваться услугами единственной некогда ей доступной конюшни. Леди Рэдклифф в конечном счете решила отказаться от прогулки, объяснив это приступом совершенно неопишемого изнеможения, но ни Китти, ни Рэдклиффа эта новость не удивила и не разочаровала. Оба предполагали, что стоящих перед каждым из них целей будет значительно проще достичь в отсутствие вдовствующей графини.

Хотя густой лес лондонских зданий показался Китти нескончаемым, довольно скоро компания всадников оставила город позади. Мостовые уступили пыльным тропам, людные тротуары плавно перетекли в заросшие травой обочины. Расслабляться было опасно – этот день значил для будущего не меньше, чем любой другой. Но когда перед взором Китти развернулись открытые пространства, она ощутила, как спадает напряжение. Конечно, оно немедленно вернулось, едва лишь Рэдклифф в самом начале прогулки поравнялся с ней. По тропе могли проехать бок о бок только две лошади, что оставляло мистеру де Лейси единственную возможность нагонять их сзади. Вид у него был слегка обиженный, и он тянул шею, пытаясь расслышать, о чем они разговаривают.

Мисс Тэлбот знала, что за ее вчерашним появлением на Гроувенор-сквер обязательно последует нечто сродни допросу, но не могла предвидеть, насколько прямолинейный подход изберет лорд Рэдклифф, наконец избавившись от ограничений, вызванных присутствием матери.

– Вы говорили, ваша семья происходит из Девоншира? – спросил он внезапно.

– Из Дорсетшира, милорд, – поправила Китти. – Но изначально из Лондона. Я родилась здесь, в столице.

– Хм-м, и ради чего уехали?

– Ради свежего воздуха, – ответила она без заминки.

– И все же вернулись ради?..

– Общества.

– Другие братья и сестры?

– Четыре младшие сестры.

– Брата нет?

– Нет.

– Родители?

– Умерли.

– Болезнь?

– Джеймс, как ты можешь! – с некоторым возмущением воскликнул мистер де Лейси, однако и брат, и возлюбленная решительно им пренебрегли.

– Тиф, – ответила Китти. – Сначала мать, а через год – отец.

Ее саму потрясли эти слова, произнесенные вот так вслух, без обиняков. Если бы одна-единственная фраза могла объяснить, вместить в себя все, через что им довелось пройти... но она не доставит Рэдклиффу удовольствия, не покажет и тени переживаний на своем лице. Он намеревался поймать ее на лжи. Словно она так глупа, что попыталась бы скрыть финансовые неурядицы своей семьи от мистера де Лейси. Ради всего святого, чего бы она добилась, узнай

он только в день свадьбы, что у его невесты четыре незамужние сестры, а ее приданое – обремененное долгами наследство?

– И вы намереваетесь вернуться в Дорсетшир, как только найдете жениха?

Китти не ожидала такого прямого удара, да и мистер де Лейси удивленно ахнул – эта мысль не приходила ему в голову.

– Мы планируем остаться в Лондоне только на сезон, – призналась Китти осторожно. – Я хотела ввести Сесили в лондонское общество. Разумеется, она слишком молода, чтобы помышлять о замужестве, но я сочла благоразумным дать ей возможность немного посмотреть мир, подготовиться к будущему. После ухода матери я считаю это своим долгом.

Китти не нужно было оглядываться на мистера де Лейси, чтобы увидеть, что он растаял от этих слов, – она догадалась по тому, как нахмурился Рэдклифф.

– Должна сказать, – заметила она, пытаясь сменить тему, – вы оба прекрасно ездите верхом! Значительно лучше, чем можно было бы ожидать от городских жителей.

– Ого, укол! – жизнерадостно подхватил мистер де Лейси. – Ты этого так не оставишь, Джеймс?

Рэдклифф пропустил его слова мимо ушей.

– Вы слишком добры, мисс Тэлбот. Но, похоже, вы забыли, что я обосновался в деревне, а следовательно, не могу принять ваш комплимент.

– О да, я забыла, – солгала она. – Глупо с моей стороны. Леди Рэдклифф говорила, что вы уже два года как не навещали Лондон. Рэдклифф-холл, должно быть, воистину великолепен, если ему удастся так долго препятствовать вашим встречам с семьей.

Джеймс и бровью не повел – для этого он был слишком искушенным фехтовальщиком, однако Китти почудилось, что его лицо на мгновение напряглось.

– В Рэдклифф-холле меня удерживают дела.

– Наверное, у вас очень много дел, милорд, – парировала она игривым тоном. – Удивительно, что вы не обзавелись помощником, если в вашем поместье столько работы. Дополнительная пара надежных рук освободила бы вам время для посещения Лондона.

– У нас есть помощник! – ревностно поддержал брата мистер де Лейси. – Великолепный мистер Перкинс служит у нас с тех пор, как наш отец...

Он осекся, сообразив, что скорее доказывает небрежение брата, нежели обратное. Обернувшись, Китти заметила сомнение на лице поклонника – его идол впервые лишился части своего сияния. Она улыбнулась.

– Уверен, вы меня простите, мисс Тэлбот, – резко ответил Рэдклифф, – если я доверюсь своему опыту в этой области, а не вашему. Лорду не пристало отдавать управление землями в чужие руки. Это долг, который приходит с титулом.

– Должно быть, вы весьма невысокого мнения о ваших собратях лордах, – уколола она невинно, – ведь они каждую весну проводят в Лондоне.

– А что насчет вашей тети, миссис Кендалл, она сестра вашей матери или отца? – отрывисто бросил Рэдклифф, словно не расслышал последней реплики собеседницы.

– Матери, – не задумываясь, ответила Китти.

Третья ее ложь за сегодня, но такая ложь, которую она с самого начала считала необходимой, чтобы сохранить их историю как можно более безупречной.

– Мне жаль, что я до сих пор с ней не познакомился, – с искренним огорчением сказал Арчи.

Рэдклифф смерил Китти пронизательным взглядом. Она постаралась сохранить бесстрастное выражение лица, но это ей уже не помогло.

– Ты ей не представился? Экая небрежность с твоей стороны, – отчитал Рэдклифф младшего брата.

– Правда? – виновато откликнулся Арчи. – Почему бы вам не поужинать с нами завтра вечером?

– Вы слишком добры, – сказала Китти, быстро прикидывая в уме.

Тетя Дороти ни за что на свете не переступит порог дома на Гроувенор-сквер, ведь она и так настойчиво возражала против всех этих рискованных замыслов подопечной.

– Но моя тетя еще не наносила визита вашей матушке.

– Тогда мы нанесем ей визит без промедления, – не сдавался Арчи.

– Кроме того, тетя Дороти быстро устает, – торопливо добавила Китти. – И хотя после кончины дяди прошло много лет, она по-прежнему его оплакивает.

Дорожка наконец расширилась до такой степени, что все пятеро всадников могли ехать рядом. Арчи подстегнул коня, чтобы поравняться с Китти.

– Разве тихий ужин с мамой может быть настолько утомительным? – спросил он с сомнением.

– О чем вы? – заинтересовалась леди Амелия.

– Арчи пытается пригласить тетюшку мисс Тэлбот поужинать с нами завтра, – объяснил старший брат. – Но успеха пока не достиг.

– Но мы не сможем, – вмешалась Сесили. – Мы обещали завтра вечером сопроводить тетю Дороти в Воксхолл-Гарденс⁷. Китти, разве ты забыла?

С каким наслаждением Китти отвесила бы ей сейчас пощечину!

– Ах да, – пробормотал лорд Рэдклифф. – Я слышал, сады удовольствий приобретают все большую популярность среди тех, кто оплакивает близких.

– Так это же отлично! – нашелся Арчи. – Мы к вам присоединимся!

Отказаться Китти не смогла – не придумала весомого повода – и просто сменила тему в надежде, что о Воксхолл-Гарденс все забудут.

Остаток утра прошел без явных проявлений враждебности. Китти почти забылась – настолько, что позволила себе получать удовольствие от общества де Лейси, вместе со всеми пуская лошадь в легкий галоп на поросших травой тропках и лихо прыгая через живые изгороди. Возможностей для разговоров было немного, и Китти с облегчением воспользовалась передышкой. В Уимблдоне они дали отдых лошадям и перекусили в местной гостинице. Китти побудила Сесили высказаться по поводу оеувге⁸ Уильяма Каупера⁹. Сама Китти понятия не имела, кто это такой и даже что означает слово «оеувге», но последовавшая лекция была ей знакома и предсказуемо растянулась почти на весь обратный путь.

Вернувшись в дом на Гроувенор-сквер, Китти отказалась от предложенного хозяйкой угощения, надеясь, что если удалиться как можно скорее, то вселяющие ужас планы на Воксхолл-Гарденс уйдут в забвение. Одного она не учла – настойчивости Арчи, пораженного в самое сердце чувством вины из-за того, что он столь жестоко пренебрег долгом возлюбленного. Он немедленно выложил матери это предложение.

– Превосходная мысль! – воскликнула леди Рэдклифф, оживленно захлопав в ладоши. – Предлагаю отправиться всем вместе, мы можем арендовать кабинку!

– Не слишком ли вы утомлены? – в отчаянии спросила Китти.

– Вовсе нет, я чувствую себя прекрасно! – с жаром заверила ее леди Рэдклифф.

«Пышущая здоровьем старая лошадь», – промелькнула у Китти мятежная мысль.

⁷ Воксхолл-Гарденс – одно из первых в Лондоне мест общественного отдыха и развлечений.

⁸ Творчество (фр.).

⁹ Уильям Каупер (1731–1800) – английский поэт, один из предшественников романтической школы в поэзии, зародившейся в конце XVIII века.

Их судьба была решена, и у Китти не осталось иного выбора, как сдаться. Прилепив на лицо улыбку, она попрощалась с леди Рэдклифф, леди Амелией и мистером де Лейси – тот многозначительно сжал ее руку, – но улыбка исчезла, когда Китти повернулась к Рэдклиффу.

– До завтра, мисс Тэлбот, – сказал он, склоняясь над ее рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.